

09

P A70
P 121466

КНИГА
В СОХРАННОСТИ

лишенный зрења
УРАНІЙ,
нещастный
ГОСУДАРЬ,
священная повесть.

121466
сочинилъ

Троицкія Семнацті Ректоръ
и Богословіи Учитель
ГЕРОМОНАХЪ АПОЛЛОСЪ.

ПЕЧАТАНА
въ Типографії Императорскаго
Московскаго Университета
1779. года.

09 + A 76 + русск.
A 76

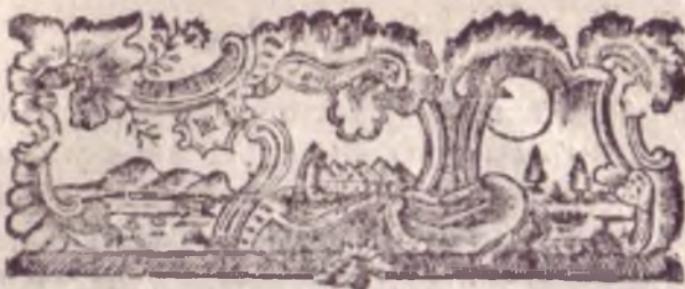
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
КУПЕЧСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

БОГУ,
ЦЕРКВИ,
ОТЕЧЕСТВУ,

со

БЛАГОГОВѢНИЕМЪ
ПОСВЯЩАЮ.

Josephus Kirdan

Отецъ младаго Уранія былъ Царь,
Обладашель вселенныя, славою сво-
ю довольно извѣстный свѣту, ко-
тораго изображеніе или портретъ
сколь ни обыкновенно народы при себѣ
имѣли, но всегда различно его начерпавали.

Египтяне дѣлали иногда просто ве-
ликой округъ, или писали кругловидно
землю, пожирающую свой хвостъ. Симъ они
думали изобразити великихъ дѣлъ славу,
превышающую Меркурія, Ураніева отца,
которая на вѣки пребудеТЬ у смертныхъ
въ незабвенної памѧти. Греки поставля-
ли двуличную статпую, изображенную на
четвероугольномъ камнѣ, снизу тонко на-
чапую, къ верху пространную, не прида-
вая рукъ ни ногъ, можетъ быть поплюю,
что хотѣли изобразить прозорливость се-
го великаго Государя, и какъ неукоснитель-
ное, такъ и благоуспѣшное произведеніе
дѣлъ къ намѣреваемому концу.

Римляне изображали его торжественно сидящимъ на позлащенномъ пресполѣ, одѣтаго въ порфиру и въ коронѣ для означенія его великолѣпія, десницею мешущаго громъ на гигантовъ, или на всѣхъ оскорбляющихъ его священное имѧ; а въ другой рукѣ скипетръ означалъ его могущество. Цицеронъ говорилъ, что то былъ или Царь Аркадскій, или сынъ Ефира, или Кримской Царь, современникъ Авраама, но все не правда! Древніе наши предки соблюдали славу и память его дѣлъ огнемъ и пламенемъ пожирающимъ возгнѣздженній хвастіемъ, съ возложеніемъ на верху мечемъ, костеръ. И сколь различное было сего Обладашеля у народовъ изображеніе, столь же различныя были его и имена. Пиѳагоръ называлъ его Монадомъ (Единицею), Евклидъ правителемъ, Парменидъ неподвижнымъ. Элій Никифоріемъ т. е. побѣдоносцемъ, Фестъ опишутелемъ т. е. помощникомъ, Спрабонъ спасшоромъ т. е. успановителемъ, Ереи Ельономъ, Персы Мимрамомъ и проч.

И хотя различно обѣ немъ думали, говорили, рассуждали, различно его изображали; но всѣ вѣромъ согласны были, что онъ великий и преславный Государь, сильный, прозрительный, правдивъ, милосердъ, благопворительный и весьма древній; сѣлько кажется его древніость, по которой молодые люди могли забывать его первыя дѣла, но не

не могли изгладить изъ памяти понятія, была причиною разныхъ о немъ мнѣній.

Ураній былъ его Первенецъ, сынъ, которому непремѣнно слѣдовало быть опіцу своему наслѣдникомъ, ожелибы не постигло нещастіе.

Отецъ не прости даровалъ ему жизнь; но снабдилъ его всѣми лучшими принадлежностями къ благополучному препровожденію оныя. И какъ обыкновенно родили къ тѣмъ дѣтямъ большую имѣють склонность, которые похожи бывають на нихъ лицемъ или нравами: то и Ураніевъ отецъ старался сына сдѣлать подобнымъ себѣ. Сіе паче всего укашало его, и давало надежду думать, что вступитъ онъ въ отеческие слѣды, и будеъ искусный и преславный въ свѣтѣ Государь. Разумъ, которой можно почѣсть первымъ въ человѣкѣ совершенствомъ, столь блестящей въ немъ былъ, что самыя Божественные вещи, и превышающія смертныхъ умъ, понималъ онъ весьма ясно. Чѣмъ касается до натурального вещей познанія, то почитался онъ весьма знающимъ и искуснымъ въ сей наукѣ. Самъ отецъ училъ его Философіи, Астрологіи, Исторіи натуральной проч. Свойство распѣній зналъ онъ лучше нежели Соломонъ, котораго книга Еніфаніи сожегъ. Другія науки онъ безъ

трудности своими силами постигалъ. Въ наукѣ врачебной превышалъ самаго Иппократа, потому что лучше зналъ свойство трапѣ, хотя она ему тогда и не нужна была.

Отецъ, желая нѣкогда попѣшиться надъ сыномъ, собралъ великое множество животныхъ, которыхъ младый Ураній до-толь не видывалъ: скажи мнѣ говорилъ онъ, любезное дитя! чтобы это было за произведеніе напуры? А онъ, почитай од-нимъ взглядомъ проникнувъ свойство животныхъ, указывая ощи, отвѣчалъ воспоми-нѣмъ языкомъ: [ибо онъ родился жилъ и все дѣло это происходило на востокѣ; да и тѣ тѣ времена всѣ люди говорили од-нимъ языкомъ:] это Гамаль (верблюдъ) т. е. мспитель; ибо верблюдъ долго пом-нитъ сбызы; это Бегемі (скотъ) т. е. безсловесной; это Ргаа (ястrebъ) т. е. проницательного взора; это Гаадъ (пели-канъ пшицъ) т. е. пожирающая и изблевы-вающая проч.

Ураній при такомъ просвѣщении не мень-шие былъ и добродѣтеленъ; да и неудиви-тельно, ибо пороки рождаются отъ невѣже-ства и темныхъ воображений. Отецъ самъ былъ его пѣспунъ, которой его неоп-ступно при себѣ имѣлъ, съ нимъ жилъ, ходилъ, говорилъ, обращался; а худыхъ сообществъ отнюдь Ураній не зналъ; и

попому благополучный сынъ всѣ лѣтствія и намѣренія къ тому склончъ, дабы не только родителя не раздражить, но все-совершенно ему угодить во всемъ. Словомъ, онъ былъ непороченъ и святъ; и какъ пламя проспирается всегда въ высоту, какъ спрѣла лепитъ къ своей мечѣ, или пущенный съ крупой горы великий камень падаетъ на свой центръ; такъ его воля устремлялась къ волѣ отца своего: не споль Апеллесова картина представляла живность висящихъ виноградныхъ кистей, сколь уподоблялся онъ родителю своему.

Не понималъ онъ совсѣмъ, что есть движение спрастей, а колыма паче пороковъ, да и не можно было; ибо у一审е спрастей рождается отъ того, когда чувства превышаютъ и не покоряются разуму: но его просвѣщенный умъ владычествовалъ и управлялъ всѣми способностями душевными. Сильныя Океана волны тогда пополняютъ плавающихъ, когда кормчій выпускаетъ кормило изъ рукъ; а великое тогда возжигается пламя, когда не угашаемъ искру. Ураній довольно могъ собою управлять; а нѣжная его и горячая къ отцу своему любовь подобна была великому морскому камню, о копорой разбиваются сильныя спрастей волны.

По сему, не нарушалъ онъ никогда свою свободы; ибо свобода сопроизвѣ въ

избираніи блага. Порокъ есть зло, потому и горочный человѣкъ не есть свободный, понеже не избираетъ онъ добра. Можно ли человѣка пушника умирающаго въ пустынѣ онь глада, назвать постникомъ? Можно ли осужденного на вѣчную работу назвать трудолюбивымъ? Можно ли тому терпѣнія добродѣтель приписать, у кото-раго съ похмелья голова болитъ? Кто свободнѣе, благіе ли Ангелы, которыхъ всѣ дѣйствія успремляются къ Еому, или отпадшіе, которые утвердишись во злѣ, въ семъ только имѣютъ произволеніе, чи-то могутъ такъ или иначе симъ и другимъ образомъ дѣлать себѣ и другимъ зло? Но спросишь ты: чиожъ? развѣ они, и предав-шійся въ пленѣ порокамъ человѣкъ совер-шенно лишенія свободы, сея способности, безъ которой человѣкъ не есть человѣкъ? Но скажи мнѣ, чи есть навыкъ? Не пре-вращаетъ ли сиѣ всѣго человѣка? Навыкъ есть другая природа. Подвергающіяся пян-ству, любострасію, горделивцы, коры-столюбцы кажеются будто съ своими порока-ми родились? Нѣтъ, привычка превратила ихъ напуру! Ураній былъ наивѣднѣйший человѣкъ, потому чио былъ непороченъ.

Изъ таковой стройности его души не могли происпекать шлесные недостапки; ибо кромѣ того, чио напура украсила его всѣми дарованіями, не аналь онъ ни слабо-стей,

стей, ни болѣзней. Онъ и попитя не имѣлъ, чѣмъ еспѣхъ невоздержаніе, отъ котораго раждается въ человѣческомъ тѣлѣ вредъ и разслабленіе.

Собою былъ онъ сановитъ, красоты чрезвычайной, скрѣ, поворотливъ, ко вся-
кому дѣлу способенъ. и столько здоровъ,
чѣмъ никакъ не боялся смерти. Сие въ
прочихъ людяхъ не возможно. но въ немъ
было неудивительно; ибо болѣзни и самая
смерть раждаются отъ неравенства въ
человѣческомъ тѣлѣ сихъ. Богъ премудро
устроилъ составъ нашего тѣла изъ земли,
воды, огня и воздуха; но человѣческому
разсудку показалось бы не возможно соеди-
нить споль тѣло но пропивные между собою
элеменшы, какъ то огонь съ водою: но Богъ
безъ всякия трудности устроилъ согласіемъ
сей составъ; они дѣлаютъ не разрывной
между собою союзъ, доколъ одна стихія
сразмѣрна другой; но излишество на пр.
огня дѣлаетъ въ настъ горячку, а недота-
токъ лихорадку. Симъ согласіемъ соеди-
нилъ премудрый творецъ цѣлый свѣшъ,
и малый міръ, человѣка. Для чего земля
не падаетъ, будучи основана ни на чёмъ?
Для того, чѣмъ воздухомъ со всѣхъ споронъ
окружается, и на немъ такъ виситъ, чѣмъ
упасть не можетъ. Для чего планеты не
перемѣняютъ теченія своего, Сатурнъ об-
ходицъ землю въ 29 лѣтъ 174 дни: Марсъ

въ одинъ годъ 320 дней: Юпитеръ въ 11 лѣтъ 17. дней, проч. ? Поэтому, что сія Гармонія или концепція соотвѣтствуетъ чудный въ свѣтѣ порядокъ . и есть, какъ нѣкоторые говорятъ, душа міра. Небо служитъ землѣ согрѣвая; а земля служитъ солнцу, пищу подая; оттуда ложди, громъ, холдъ , теплота , плодоносѣ и неурожай. Ежелибы сіе согласіе хотя частію повредиша, то бы міръ нарушился, или лучше сказать умеръ . Составъ человѣческаго тѣла подобно лопотѣ крѣпокъ и твердъ , доколѣ сія Гармонія въ немъ сохранила. Маленькой воробышкѣ , посаженный въ воздушной насосѣ , когда извѣкается воздухъ , помалу ослабѣваютъ , испончавшись , умираешъ , а иногда впущенный воздухъ его оживляеть паки; также и тѣло наше когда превышаетъ въ немъ одна другую стихію , то подвергается болѣзнямъ , и по разрушениіи ихъ человѣкъ умираетъ. И такъ для чегожъ было Уранію бояться смерти , когда не было въ составѣ его тѣла , какъ нынѣ бывають въ насѣ , причинъ , нарушающихъ сіе согласіе ?

Правда , что были въ немъ другія въ шому спосѣществованія , которыхъ въ насѣ нѣтъ ; онъ , зная совершенно врачебную науку , прибѣгать могъ къ некоторымъ жизненнымъ распѣніямъ , которыхъ вкушая плоды , тощасъ бы могъ самые малые начатки болѣзней отвратить .

Конеч-

Конечно наслышавшись объ немъ нѣкоторый Китайскій Государь послалъ юношъ и юношку искать на Японскомъ островѣ трахъ, копорыя бы (какъ его уѣбѣрили) могли его иѣчно предостеречь отъ смерти . Оль чего и начало Японіи .

Не менѣе можетъ быть способство-
валъ Уранію къ сохраненію жизни и здравія
домъ, копорой ему отецъ своими почти
руками созидалъ . Слава и до сихъ поръ
по свѣту носится о семъ, такъ сказашъ, великолѣпнѣйшемъ замкѣ . Онъ состояенъ
на такомъ мѣстѣ, гдѣ ни чрезвычайного
солнечного жару, ни воздушныхъ перемѣнъ,
ни осенней погоды, ни зимнихъ мразовъ,
ни вредныхъ земныхъ паровъ сплюдъ не
было . Четыре начиспѣйшія и пріяднѣйшія
рѣчка окружали сей домъ, и напаяли его
сады; вѣтры пихо продували сквозь густыя
плодовитныя древа; сладкое пѣнкое пипиль
услаждало слухъ; пестрота цвѣтовъ, зре-
ніе, плоды, вкусъ, всѣ чувства неизречен-
ную ощущали нѣжность . Иногда Уранія,
прогуливаясь въ саду, пересаживалъ древа,
поливалъ цвѣты, собиралъ плоды, никакой
не чувствуя усталости; а къ большему
удовольствію видѣль всегда окруженнаго
себя безчисленнымъ всякаго рода живопи-
ныхъ множествомъ, копорыя такъ пріуче-
ны были, что не только не дрались, но
любовно на одной пажипи липались, имѣ-
ши

стѣ жили, ходили, почигали и разными образами старались Уранія развеселять: иногда левъ лизалъ его ноги; иногда тигръ повергался предъ нимъ, и былъ столько же крошокъ какъ агнецъ; еспѣли онъ садился для покою подъ какое древо, то птички слепались, и то прыгали, то взлѣтая на него, порхали то въверхъ то вънизъ, и услаждали пѣниемъ; а когда Ураній засыпалъ, то тихое дѣлая молчаніе, какъ бы совокупными силами хранили его сонъ; а еспѣли при восходѣ солнечномъ ходиѣ онъ на брега рѣкъ, то рыба прибѣгала ко брегу принимать изъ его рукъ кормъ. — Описать не можно, какая радосніи и удовольствія видѣлъ Ураній въ своемъ домѣ. Китайцы много обѣ эпомъ говорятъ, хващая, что сія блаженная обитель населена была въ ихъ государствахъ. Арапы эшую честь приписываютъ себѣ. Армяне говорятъ, что будто эпомъ домъ стоялъ на Арагатскихъ горахъ. А спихотворцы бредятъ, что эпомъ самой домъ суть Елисейскія поля.

Но все сіе Ураніево щастіе не могло сравниться съ тѣмъ неизреченнымъ благополучіемъ и увеселеніемъ, какое онъ получалъ изъ всегдашняго обращенія съ родителемъ своимъ. Не было бы намъ удовольствія въ щастіи, еспѣлибы мы не имѣли съ кѣмъ его раздѣлить, или кому сообщить.

иить. Взаимная о́ца съ сыномъ любовь, была въ высочайшемъ степени. Да и нельзя было Уранію родителя не любить; ибо ого мы больше любимъ? Въ комъ больше находимъ совершенствъ. Съ кѣмъ тѣснѣе дружимся? Съ кѣмъ сходище нравами. Ураній находилъ въ отцѣ свое столь превосходныхъ совершенствъ, что ни въ комъ другомъ подобныхъ не видалъ. Ураній, во всемъ похожъ на своего отца, былъ его живое изображеніе; комужъ онъ могъ повѣрять болѣе свое сердце, открывая мысли, какъ не родителю своему? Иногда слушалъ Ураній совѣты, какъ сохранять свое благополучие; иногда отецъ давалъ ему наставленія, какъ предъуготовить себя къ управлению своего царствованія; иногда научалъ какъ воспитывать, и дѣлать благополучными своихъ дѣшей проч.

Однажды онъ говорилъ ему такъ: въ несказанной радости любуюсь я тобою, любезный сынъ! даровалъ я тебѣ жизнь, которую снабдилъ всѣмъ, что къ твоему щастію служитъ; чрезвычайно увеселяюсь я твоими душевными дарованіями, твоимъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями. И хотя ты имѣешь довольно проницательной разумъ, но однажды ты человѣкъ молодой и не все на опытѣ дозналъ. Знай, сынъ мой, что великое различіе разсуждать и дѣлать. Науки показываютъ намъ испину;

ну; но опытъ больше въ томъ увѣряетъ. Философы описываютъ свойство землѣ; и земледѣлецъ лучше знаетъ, какъ посѣять и собрать. Хотя и ты, сынъ мой! довольно просвѣщенъ, однако же ты всего значи не можешь. Въ семъ саду, которой я для тебя на адуль, есть распѣнія ядовитыя; онъ не для тебя насажены; какъ бы я могъ сдѣлать такой вредъ. будучи твой отецъ, и любя тебя паче всѣхъ? Онъ для другихъ причинъ; подобно какъ видишь ты множество плодовъ, но всѣли для твоего насыщенія? Множество скотовъ, но всѣли также, чтобъ ты могъ садиться на нихъ? Множество небесныхъ свѣтилъ, множество земныхъ произведеній, но всѣхъ ли ихъ одинъ конецъ? Нѣтъ, сынъ мой! иное для тебя нужно, иное полезно, а иное оставлено только для твоего увеселенія. Си ядовитыя распѣнія не съ тѣмъ заѣсь посажены, чтобы ты плоды ихъ вкушалъ; но чтобъ ты зналъ ихъ свойство и силу, или бы изъ смѣшенія одной вещи съ другою производилъ что нибудь для тебя: Видишь ли, какъ брошенное въ землю семечко вбирая въ себя влагу, и согрѣваясь солнечнымъ свѣтомъ изъ согласнаго смѣшенія элементовъ производитъ великое и прекрасное лрево? Хотя сіе есть произведеніе напуры, но ты, сынъ! можешь и искусствомъ до многого доходить. Можешь ты бѣлаго барашка сдѣлать нестремъкимъ,

кимъ, сизаго голубка бѣленъкимъ, алої розы бѣлымъ, желтой шульпанъ алыѣ; можешь, еспѣли только найдешь секретъ нашуры, которой оставленъ для твоего упражненія. И такъ послушайся меня любезный сынъ! узрѣши сіи ядовитые плоды, не торчать ты ихъ вкушай, какъ дѣлаютъ младенцы, но испытывай и узнавай, обращая такъ ихъ въ свою пользу. Я тебя люблю, но еще любезнѣе будешь ты миѣ, еспѣли окажешь послушаніе мое; а чрезъ то и благодарность за мое къ тебѣ попеченіе: помни же мои повелѣнія, и хранись, дабы не подвергнуть себя нещастію, которое всего несноснѣе отеческому сердцу! Послѣ такихъ нѣжныхъ разглагольствій Ураній оспался одинъ, и гуляя въ саду вкушалъ въ удовольствія:

Какофитъ былъ слуга, котораго Ураніевъ отецъ чрезвычайно сперва любилъ; нельзя было его за преосходство не любить. Дарованія и разумъ были въ немъ огненные; онъ былъ разумнѣе самаго Уранія; это не удивительно, пошому что слугичасто умнѣе бывають дѣтей. За сіи преимущества былъ онъ почтенъ въ особенномъ отъ другихъ отличіи, а у господина въ особенной милости. Но какъ злоупотребление и самую хорошую вещь можетъ учинить пагубною: то и Какофитъ всѣ свои природныя качества употребилъ

въ зло по своему произволенію; онъ посягнулъ на жизнь своего Господина, обличенъ въ хищности, предатель, злобной, зависливой, надменной, невѣрной, неблагодарной: словомъ, онъ первой былъ, кото-
рой превзошелъ всѣхъ злостию и пороками; за то лишенъ онъ былъ всѣхъ милостей, изгнанъ, опроверженъ, и яко неключимый осужденъ на всегдашнее рабство. Будучи въ крайнемъ злоключеніи никогда онъ не помышлялъ о томъ, какъ бы исправиться и испросить прощенія: но какъ кислота или соленость часъ отъ часу возраспаютъ въ своемъ веществѣ; какъ гнилость въ пло-
дахъ, или рана въ человѣческомъ тѣлѣ дѣ-
лается часъ отъ часу болѣе, еслили не исцѣляется врачевствомъ: такъ пороки усиливаясь часъ отъ часу дѣлаютъ волю развратнѣйшею.

Какофишъ пріобрѣлъ въ вышшемъ сте-
пени науки, и былъ наизлобнѣйши; снѣ-
дался онъ зависшю, взирал на благополучие Уранія, и чѣмъ больше воображалась ему первыя милости Господина своего, чѣмъ въ презрительнѣйшемъ находилъ себѣ состоя-
ніи, тѣмъ осмѣшливѣй казался его сердцу Ураній: и какъ ехидна, во чревѣ ма-
шерней носимая, проѣдаетъ бокъ и мать свою умерщвляетъ, или какъ адская фурія разтерзывая зубами свое сердце пожира-
етъ; такъ терзался зависшю Какофишъ.

По-

Покушусь я, думалъ онъ, п' губить Уранія; тогда буду я спрадать не одинъ: пускъ же знаєтъ его Отецъ, что не у меня одного онъ достоинъ ненависти и презрѣнія; по чю и дѣли обѣ немъ тоже находятъ. Сколь ни просвѣщенъ Ураній, думалъ Какофишъ, но онъ еще младъ; и поелику всего въ сѣтѣ не видалъ, то не трудно мнѣ его будеѣтъ обольстить. Слышалъ я, что ему Отецъ наказывалъ, а то мнѣ и надобно.

Правду ли говорятъ, что Цирцея Ульсовыхъ товарищъ превращала въ свиней, воловъ, проч. Пиѳия давала отрѣзы? А это заподлинно известно, чю Египетскіе волхвы могли, какъ Моисей, дѣлать изъ жезла змію и другія привидѣнія: но сю волшебную науку лучше никто не зналъ Какофиша. Извѣстно, какое животное кроенія подъ зеленою муравою, дабы изъ подніха ужалить. Какофишъ, надѣвъ на себѣ спранной видъ, закрался въ гусиопу того самого дреѣа, котораго плоды имѣли въ себѣ ядъ. Какъ зрящему окомъ въ пограненое стеклышко при обращеніи разновидныя предстavляються фигуры; какъ солнечные лучи ударяясь въ море дѣлаютъ небесныя разныя явленія; какъ Содомское яблоко съ виду, ежели правда, чрезвычайно пригожее, а взятое въ руки разпадается; такъ представилъ Какофишъ пріятными взору сии ядовитыя плоды. Ураній изумился, и оспає про-

Б

чъ

чія древа, обратилъ свое вниманіе на сіи плоды. Но тѣмъ страннѣе казалось для него слышать изъ едва прозрачнаго сего и густаго древа разговоръ: знаешь ли, слышалъ Ураній, чѣмъ Отецъ пивъ безсмертную пріобрѣлъ славу? Знаешь ли по чому толь благополучную преисповѣдаетъ жизнь? Это дѣлаютъ плоды, которые Онъ запрѣтилъ тебѣ Ѳстѣ, боясь, дабы ты не былъ Ему въ славѣ равенъ. Спарики мниительны и злы, и самолюбіе ихъ превышаетъ любовь къ дѣламъ: Не вѣрь. Ураній изумился и размыслилъ; можно ли, думалъ онъ, чтобы Отецъ мой столь мудрый и благопорицельный; можно ли, чтобы любя меня паче мѣръ скрылъ отъ меня въ сихъ плодахъ средство къ достиженію славы? А Какофитъ подобился тогда ловцу звѣрей, которой мечется и взадъ и впередъ, дабы загнать въ тенета.

Многіе и донынѣ удивляются, какъ Ураній, будучи столько просвѣщенъ и превосходнаго разсужденія, могъ опідаться въ обманѣ и погрѣшность; ибо погрѣшности раждаются отъ збивчивыхъ и несовершенныхъ понятій; какъ будто бы онъ понималъ темно и ясно. Ежели онъ зналъ, что состояніе его было благополучное и совершенное, на чѣмъ было большія славы желаніемъ ласкаться? А вонъ какъ это было: серебро хорошо, и всякъ желаетъ день-

деньги сребряные имѣть; но положивъ съ ними золотыя, куда желаніе успремится? Хороша одежда изъ рублеваго сшишаго сукна; но ежелибы съ нею положена была наимъ для выбору другая гораздо большей цѣны, какую бы мы взяли хотѣли? Хорошо жить въ деревянной горницѣ, лучше нежели на дворѣ; но превосходѣе каменные чертоги. Подобно сдѣлалъ Ураній, большая его Родителя слава воспалила въ немъ желаніе, хотя онъ и себя довольно щастливымъ почиталъ. Да и самъ Какофишъ отъ такого же сравненія довелъ себя до пагубы.

И такъ клерещутъ пѣ, которые напрасно обвиняютъ Ураніева Оца, будто Онъ такъ глупымъ его родилъ, или лучшимъ образомъ воспитать не хотѣлъ. Нѣтъ, никто не можетъ Уранія оправдать!

Какофишъ между тѣмъ не преставалъ разспавливать свои сѣти; и то вѣльви съ плодами наклонялъ; то самые плоды на пригожую спорону обращалъ; то ласковыми словами о полученіи родителской славы увѣрять не преставалъ; наконецъ то опспупающаго, то въ робость приходящаго, то покушающагося, то руку пропягивающаго и опхвапывающаго; то очи закрывающаго и взирающаго, порывающагося и не желающаго Уранія склонилъ, прельстилъ,

уговорилъ, увѣрилъ, и вложивши въ руку къ самыи почти успамъ привелъ. Бѣдный Ураній вкусили и тутъ же бросилъ; но топчасъ позналъ дѣйствие яда; а Како-Фитъ съ плескомъ, съ радостию, съ воспормъ, съ крикомъ, съ хохотомъ прыгалъ, рыскаль, бѣгалъ. Вкусили бѣдный Ураній, ахъ! увы! тутъ-то все его начиняется нещастіе!

Ядъ топчасъ разлился по всему тѣлу, но прежде всего ослѣпилъ очи. Какое мученіе родилось въ душѣ Уранія? Какъ сильная морская буря начинаетъ погружать корабль; какъ любые на спутника нападають звѣри; какъ пожаръ проспирается въ великое пламя: такъ ему въ туже минуту вообразились всѣ нещастія, въ кои торыя онъ начинаетъ вступать. Что дѣлать, и что предпріять, совсѣмъ не зналъ: а между тѣмъ чадолюбивый Отецъ услышавъ неистовый Какофитовъ крикъ, поспѣшно текъ узрѣть сына. Не трудно было Ему отгадать причину Какофитовыхъ плесканий. Сынъ мой, говорилъ онъ, сынъ! гдѣ ты любезное мое дитя? приблизись ко мнѣ.

Не такой чувствовала спыдъ баснословная Дафна и Болина, какимъ тогда покрытъ былъ Ураній. Онъ кидался съ мѣста на мѣсто; и то окупцивалъ голову

пра-

правою , то листвіемъ покрывалъ лицѣ , то хватаясь прятался за древо ; трепетъ и спрахъ поражалъ его , когда слышалъ онъ Отеческой голосъ : но Отецъ подошедъ къ нему , говорилъ : изыди , сынъ мой ! покажи , въ какомъ ты соспояніи . Ахъ ! нѣтъ , отвѣтствовалъ онъ : сердце мое изнываєтъ отъ спраху , боюсь тебѣ ; но я не виноватъ ! не виноватъ ! Какофитъ всего зла причиною . О ты недостойный сынъ ! сказалъ ему тогда отецъ , ты и помилованія не требуешь моего . Самъ ты себя ослѣпилъ , такъ можешь ли ты наслѣдникомъ быть моимъ , можешь ли безъ зрењія толь великою областю управлять ? Изыди отсель , изыди недостойный , неблагодарный , прензитель Отеческія любви моей . Я раскаиваюсь , я жалѣю , что тебѣ на свѣтѣ родилъ : но раскаяніе мое соспоятъ въ томъ , что не хотѣлъ бы я въ такомъ нещастіи тебѣ видѣть , какому ты самъ себя подвергъ . Не думай , что ты мой сынъ : ты покусившись отнять мою славу и жизнь , сдѣлался несноснымъ моимъ врагомъ . Думаешь ли ты , что я тебѣ пошажу ? Нѣтъ ; я больше нежели Залевкъ . Какой бы я былъ Государь , ежелибы въ царствѣ моемъ оставлялъ безъ мщенія злодѣйства ; ежелибы сильный упѣснялъ немощнаго , богатый нищаго ; ежелибы все царство мое управлялось насилиемъ ? Нѣтъ ! нѣтъ ! надѣ тобою - то и покажу правосудие мое ; весь гибель мой

на тебя изъю! Между тѣмъ Ураній то падалъ на землю, то восставалъ; обливался слезами; билъ себя въ перси; а въ душѣ чадолюбиваго отца сражалась испинна съ милосердіемъ; но, какъ на вѣсахъ, ни одно другое превысить не могло. Но что мнѣ дѣлать съ пешастіемъ твоимъ, говриль отецъ, слѣпога очей есть самая тяжкая болѣзнь, иди ищи врача; а я изобрѣту средство, какъ его къ тебѣ послать: а дабы знали подданные мои, что я правосудіе люблю, то пустъ казнятся тобою; изыди отсель! ты недоспюинъ ни сего жилища, ни моего съ тобою обращенія.

Послѣ того отецъ съ крайнею осташивилъ его жалостію; а Ураній изведенъ былъ изъ дому своего въ гнусное жилище, гдѣ онъ долженъ былъ бѣдствовашъ съ подобными себѣ.

Нѣгдѣ въ Самаріи была долина, на которой приносили скверному Молоху въ жертву младенцевъ, которыхъ его сдѣланная спрашная стапуя прижимая къ груди зѣбреко умерщвляла; а дабы не слышать вопля, то между тѣмъ дѣлали трубный звукъ и били въ бубны. Сей ужасный жерпвы родъ у всѣхъ наконецъ народовъ почитался чудовищемъ, и мѣсто всѣми названо было адомъ. Жилище, въ которомъ опредѣленъ жить Ураній, весьма подобно было

было сей плачевной долинѣ. Гдѣ онъ ни ходилъ, чѣмъ ни слышалъ, вездѣ находилъ мяшежъ, насилие, воръль, то неумѣренный плачъ, то пѣшнную радость, то жалобы родителей на дѣтей, то на невѣрность супружества, то несносное упѣсненіе рабовъ очиъ своихъ господъ, то угнетеніе праведниковъ отъ нечестивыхъ, то животныхъ спенанія, то спонающихъ больныхъ, то въ болѣзняхъ или насилии спленно или нечаянно умирающихъ, то безѣ успѣшио помочи пребывающихъ, то отчаявающихся, то на Бога вопіющихъ, то къ нему прибѣгающихъ и паки отпоргающихся, то проклинающихъ рожденія своего день, то хваляющихся въ порокахъ, то кумирами любящихъ, то свѣтиламъ, водамъ, животнымъ, бездушнымъ и гадамъ покланяющихся, клеветниковъ, неблагодарныхъ, невѣрныхъ, горделивцевъ, презрителей, досадителей, безбожниковъ, суевѣровъ, хищниковъ, убийцъ, лжецовъ, клятвопреступниковъ, и какъ бы въ огненной рѣкѣ мятущихся беззаконниковъ. Боже мой! говорилъ Ураній, какой я горестнѣйшей участнику подпалъ! Здѣсь ли я могу найти моего врача, когда всѣ язвительнѣйшими болѣзнями заражены, коиорые пѣмъ паче нещастливы, чѣмъ ниже болѣзни познань хошими, ниже о исцѣлѣніи мыслятъ.

Сіе смущеніе было его души; а цѣло его, доцца безѣдственное, почувствовало

возлущишия перемѣны; среди днія томился
онъ солнечнымъ варомъ; при восхожденіи
и заходеніи солнца испаявалъ отъ хла-
домъ, и попому скрывался въ пещеры,
если тогда ощупью ихъ находить-
могъ, укрываясь корою или листьями.
Пища его самая бѣдная была; иногда съ
пипался былемъ правымъ; иногда наход-
дилъ горькіе корни, или самые непріят-
ные плоды; а жадою весьма часто былъ
томимъ, потому, что не всегда могъ до-
испачника дойти; да и выходить боялся,
опасаясь, дабы или звѣри не распирзали,
или не забѣли собаки, или бы не ввались
въ ровъ, или не утонуть, и безвреміюю-
ше погибнуть смертію.

Когда онъ на зорѣ хотя недалеко от-
ступалъ отъ своея пещеры, то мухи или
комары, нападая полпами, паки принужда-
ли возвращаться туда. Увы! говорилъ онъ
во слезахъ, вся тварь на меня восстаётъ,
и вся тварь совоздыхаетъ мнѣ. О любез-
ный родитель! теперь что мнѣ живо пред-
ставляются благодѣянія твои; узнаю те-
перь, какихъ-то лишился я благъ! но ахъ!
поздо узнаю. Я неблагодарный презрѣлъ
совѣты твои! О колѣ тяжкое преступленіе
мое! нарушилъ я любовь, нарушилъ вѣр-
ностъ, употребилъ во зло вѣтъ твоемъ благо-
дѣянія, что ты меня родилъ, воспиталъ,
чтіо всѣми снабдилъ благими; все это я
прѣ

презрѣлъ и забылъ; самъ себя убилъ; погубилъ самъ мое богоизбрание, похитилъ; словомъ, всѣ преступленія вѣ моемъ беззаконіи заключилъ; да еще и признаться предъ мною не хотѣлъ. О отче мой! не забудь меня стягивающаго во мрачной пещерѣ моей; не забудь меня странствующаго изъ отдаленной отъ тебя страны; не забудь меня вѣ семъ беззаконниковъ мялежѣ, не-престанно на славу твою клевещущихъ! Умоляю тебя твою жизнью, которую ты миѣ даровалъ; твою любовью, которую не могутъ изъ сердца своихъ искоренять родители къ дѣламъ. Умоляю твоимъ милосердіемъ, которое предѣловъ не знаетъ. Вспомни твои обѣты! послы обѣщанного тобою врача! послы сего вожделѣннаго врача!

А ты, о злобный Какофимъ! утѣшай-ся нещастіемъ моимъ: но свободилъ ли ты себя отъ тяжкихъ твоихъ узъ? Желалъ ты напиться моей крви: но угасилъ ли злостныя души твоей жажду? Не тер-пѣлъ ты меня видѣть вѣ щастіи; но облегчилъ ли твое хотя мало злоключеніе? Не думай, злодѣй! праведный гнѣвъ отца моего отмстилъ тебѣ.

При сихъ смущеніяхъ чувствовалъ Ура-ний крайнюю вѣ душъ своей перемѣну; и то вдругъ воспалялся гнѣвомъ; то призна-
ѣ , валъ

валъ свою вину; то желалъ мщенія; то
хотѣлъ быть великодушенъ; то чувство-
валъ ко всему ненависть; то преклонялся
къ любви: и какъ отъ сильныхъ вѣпровъ
колеблются древа, или кипятъ море; такъ
необычайное движение крови возбуждало
въ немъ страсти, которыхъ онъ дошолъ,
будучи умѣренъ, не зналъ. Да и не удиви-
тельно сіе въ немъ было; ибо страсти
наши тогда начинаютъ свою имѣть силу,
когда чувства не покаряются разуму.

Но Ураній, будучи самъ причиною сво-
его нещасія, и произвольно вкушивши ядъ,
которой ослѣпилъ его очи, не разумно под-
вергъ себя всѣмъ тѣмъ паденіямъ, кото-
рыя на слѣпыхъ обыкновенно случамъся
могутъ.

Слава, или честь, какъ говорятъ, раз-
жлаетъ умъ; а нещасіе потемняетъ.
Иръ зналъ нѣкоторые секреты настуры,
и могъ бы обогатиться, да никто ему ни-
въ полушикѣ не вѣрилъ, ионеже былъ бѣ-
днѣ; а Крезъ и конечнаго блаженства жи-
зни человѣческой не зналъ, да былъ бо-
гатъ. Овидій будучи въ ссылкѣ не зналъ
куда дѣваться съ книгами: премногіе не-
щасіи лишились случаевъ доказать свои
дарованія и совершенства. А человѣкъ въ
щасіи пользуется соѣщами другихъ,
имѣетъ способы знать прошедшее, поль-
зовавшись

наватъя настоящимъ, разполагаться въ будущемъ. Друзья, достопокъ, здравие, съ разумными и добродѣтельными обращеніемъ, науки, и словомъ: честь могутъ ему подавать благовременныя и довольные къ умѣренности духа, къ побѣждению страсти, и къ тому, дабы управлялъ разумъ чувствами, случай. А Ураній пользуясь обращеніемъ и премудрыми наставленіями своего отца, живучи въ довольствіи и славѣ, всѣхъ смертныхъ въ щасіи превосходилъ; а лишившись очей, всѣхъ нещастіе было; ибо чѣмъ кио съ вышшаго мѣста падаетъ, шѣмъ больнѣе ударяется.

Иногда Ураній, выпалзывая изъ пещеры своей, садился подъ лревомъ; и какъ слѣпые обыкновенно имѣють хороший слухъ, то и онъ просиралъ свои уши, дабы успокіить по крайней мѣрѣ тихимъ журчаніемъ водъ, или пріятнымъ повѣтаніемъ вѣтровъ смущенную лушу: но иногда изъ отдаленности доходилъ до ушей его бѣднаго агнца крикъ, немилосердо терзаемаго волкомъ; иногда хищной ястребъ бѣднаго давилъ воробушка; иногда ревъ, ржаніе, крикъ и визгъ въ спадѣ скоповъ, которые другъ друга рогами, зубами, копытами уязвляющъ; иногда вымѣпывающуюся изъ воды молявку отъ большихъ рыбъ пожираемую. Еоже мой! говорилъ тогда Ураній, обливаясь слезами, и паки убѣгая

въ свою пещеру; какія нещастія окружають меня отвсюду, и самаго малаго птенца пискъ произаетъ какъ спрѣла мое сердце! О коль праведно, отче мой! изгнавъ меня изъ дома пивоего, въ которомъ готовилъ мнѣ господство, подвергъ нещастію все то, чпо уготовано было на службу мою! Я все сіе заслужилъ. О бѣдности и окаянства моего!

Сіи нещастія были общія, къ кото-
рымъ Ураній начиналь мало помалу при-
выкатъ. Солнце и луна нѣсколько разъ со-
вершили свой около земли въ теченіи округъ,
какъ по вся дни слышитъ онъ нѣкоторой
мятежъ и какъ бы начимающійся къ бун-
ту заговоръ. Рыканіе и свисты Какофіпа
предвѣщали ему всеобщую какую нибуди
бѣду. Въ самомъ дѣлѣ былъ тогда заго-
воръ, которой начинали осужденные жи-
сь нимъ въ одномъ жилищѣ противъ жизни
отца его. Не споль великое приуготовле-
ніе было къ Вапрахоміомахіи, которую
описывая Гомеръ говоритъ, что мыши
дѣлали свое оружіе изъ рѣпы и редъки;
лягушки изъ болотныхъ травъ; сколько
сіи осужденники думали вооружитъся про-
тивъ Ураніева отца, сего споль сильнаго
Государя. Иной грозился его сѣ престола
свергнуть, иной желалъ Какофіпа на Цар-
ское достоинство возвести, иной спрѣлою
хопъ пронзить, иной жизни лишиТЬ

И хотя отъ такового возмущенія много-
красно совѣтами и угрозами воспящаемы
были; но рѣшились, поднялись, воспали,
взбунтовались съ шумомъ, съ крикомъ, съ
воплемъ, бѣжали, грозились, рвались, кри-
чали, шолпами думали окружить, напасть,
поразить, смерти предать. Государь раз-
гневался, и шутъ же всѣхъ приказалъ въ
море побросать: невинныхъ осталось самое
малое число.

Тогда, во ужасѣ сидя, Ураній думалъ:
О коль великъ гнѣвъ отца моего! но пра-
ведный. Никто бы его испинны не опо-
рочилъ, ежелибы онъ мою и всѣхъ жизнь
отнялъ. Долго онъ не смѣлъ изъ пещеры
своей выходить; но мало помалу прислу-
шиваясь примѣшилъ, что вездѣ было без-
молвіе, и самая оставшихся невинныхъ
людей малая часть спокойно пѣли хвалеб-
ныя родителю его пѣсни, возгнѣжжая на
холмахъ нѣкоторой огонь, котораго туч-
ный дымъ ударялъ по нѣсколькою вѣ его
обоняніе, а пламя подавало болѣшимъ очамъ
самый слабый свѣтъ, которой по подобію
воздушныхъ явлений, или сквозь мрачный
шуманъ видимыхъ звѣздъ заимствующихъ
отъинуда свѣтъ, то паче изчезалъ, или па-
ки покрывался пѣмою. Конечно, думалъ
Ураній, вопль мой дошелъ до ушей Оца
моего, видно сжалился онъ на бѣдность
мою, и врачество миѣ обѣщанное сокры-
ваешь

заетъ въ сихъ куреніяхъ! О Боже мой сколь тяжкая моя болѣзнь! сколь скучна жизнь! сколь тяжкое и преступленіе мое! Но вижу что родитель паки отдаєтъ ми свое благословеніе

Сею надеждою успокоевалъ Ураній смущенную свою душу; но по прошествии нѣкотораго времени, слышитъ оиъ паки молву: ибо жилище ихъ наполнялось паки осужденными, и злые первыхъ преступниковъ сѣмена начали возраспать, подавляя, как терни пшеницу, невинныхъ. Чюо это! Думалъ Ураній, не ужѣ ли спрашное пополнение вверженныхъ въ море бунтовщикоъ не приводитъ въ ужасъ преступниковъ. Память сего наказанія у всѣхъ въ свѣжей памяти; и смрадъ выкинутыхъ на берегъ труповъ, сдѣлалъ воздухъ ядовитымъ а землю издающею гнусные и вредные пары, такъ что вся наша сія окаяннія спра на не чюо иное есть, какъ всеобщая могила, или кладьбище.

Но осужденные не преставали дѣлать замѣти; сидѣть въ шемницѣ скучно, и отчаяніе привѣстіи можетъ ко всякому злу ибо первое спасеніе плѣнникоъ никакого нечаянья спасенія, говоритъ Виргилій. Они находили новый возмущенія родъ, иначе вой, нежели сдѣлали ихъ предки. Мыслили они раззорить или по крайней мѣрѣ

отнять и заселить замокъ, въ которомъ жилъ Ураніевъ отецъ; а сіе хотѣли они сдѣлать смѣшнымъ прислупомъ; онъ подобенъ былъ тѣмъ печуркамъ, которыя дѣлаютъ изъ песку; ихъ уму представляются сіи кучки церковками, палашами и проч. но спарикъ мужъ проходилъ мимо, ниже взирая на нихъ; а иногда зацепясь, и разрушивъ, ногою производилъ въ нихъ плачъ: подобно сіи замѣщики черпали, кружили, рисовали, думали, спорили, располагали, уговаривались, наконецъ поползли какъ муравли; иной ташилъ камень; иной носилъ глину; иной жерди волочилъ; иной воду подавалъ; иной лѣпилъ, иной укрѣплялъ; иной поправлялъ; иной снова ламалъ и передѣлывалъ; еще не докончавъ взгнѣздились, взмоспились, вспашались, вскарабкались, протягали руки, хватали шесты, метали спрѣлы, кидали камни; но весьма отъ своей тѣли далеко были: а между тѣмъ Ураніевъ отецъ ходилъ и съ гнѣвомъ на безуміе ихъ взиралъ, но изъ пошады, подобно какъ вѣнцы, на которой вверхъ и внизъ ползаютъ мурашки, тряжнуль, и мгновенно всѣ пали, разсѣялись, разползлись въ страхѣ, въ трепетѣ, въ изумлении; другъ друга толкали, давили, бѣжали по полямъ, по горамъ, по долинамъ, по лѣсамъ крылись, прятались; всѣ, куды кто и съ кѣмъ могъ, мгновенно разсыпались. Тогда Ураній сидѣлъ

дѣлъ во ужасъ, и слыша, что люди взадъ и впередъ бѣгаютъ, закидалъ свою пещеру хворосяпомъ, ожидая въ ней, доколѣ ушишился мяшежъ. Между тѣмъ размышая о неисповѣденъ мяшежниковъ, думалъ: о колѣ родивель мой милосердъ! конечно онъ, милуя сихъ преступниковъ, мыслилъ и о нещастномъ сынѣ своемъ; могъ бы онъ немедленно всю нашу страну истребить. Въ еголи бы толь проспранномъ царствѣ могъ послѣдовать чрезъ такое прещеніе уронъ? Могъ бы онъ все жилище наше сжечь и прахъ разѣять. Благотворительнѣе нежели Антонинъ, нежели Типъ Вѣспасіянъ; благотворительнѣе всѣхъ облада-
щелей свѣта; но я увы! я окаянный! пре-
зрѣлъ, пренебрегъ и во зло употребилъ благотворенія сіи!

Боль въ его очахъ умножилась, слѣпота усугубилась, и ядъ часъ отъ часу большую силу имѣлъ; между тѣмъ Ураній, прислушиваясь, ничего слышать не могъ. Но трудно было ему узнатъ, что всѣ разбѣжались и жилище свое оставили пустымъ. Сказываютъ, что какой-то Бель, котораго Хал-ден называютъ Геркулесомъ, а Ассиріанъ Юпитеромъ, убийца Зороастровъ, а Семи-
рамидинъ мужъ покушался тутъ сдѣлать поселеніе; но все рушилось: а говорятъ, что и теперъ тамъ видны развалины, и что на-
селяютъ сюю страну одни ядовитыя змѣи.

Тогда

Тогда Ураній началъ помышлять о себѣ; находилъ, что и ему болѣе въ семъ честомъ мѣстѣ жить не можно. Сколь ни труднымъ представлялъ себѣ путь; но не сполько ему всякаго роду спрашна казалась смерть, сколько желаніе врачевства побуждало всѣ проходить опасности. Думалъ онъ всегда, что лучше умереть, нежели быть слѣпымъ, и живучи повсечасно въ горести умирать! и такъ рѣшился онъ какъ нибудь пробраться во Египетъ. Тогда слава начинала носиться, что Египетъ есть столица мудрости, въ которой со всего свѣта приходили учиться.

Гѣтрею *Фихтъ*, или сокровище душевнаго врачевства извѣстнымъ учинилось свѣту. Ураній думалъ, что ежели въ Египетѣ могутъ врачевать души; то не льзя, чтобы не могли уврачевать слѣпопы очей. Не долгіе были его зборы. Слѣдому паче всего потребеи посошокъ, съ копорымъ онъ отправился въ свой путь. Пилался подаяніемъ, но весьма часто гладомъ испаявалъ. Отецъ не оставилъ его безъ провожатаго, и хотя казалось, что это выискался какой нибудь ему добродушной спутникъ: но сіе благодѣяніе было ему послано отъ чадолюбиваго родителя; и потому сколь ни нешастенъ былъ Ураній, но провожатой имѣлъ повелѣніе отъ него не отступнымъ быть.

въ нещастії, каковаго уже больше причинить не можно, хотѣлъ надѣяться наиграть за то только, что онъ опровергній сынъ, пишающійся иѣкою порою надеждою къ возвращенію своего благополучія; а Какофимъ, рабъ лишенный навсегда милостей своего Господина, развратилъ провожатаго, и вкоренилъ обѣ Ураніи самыя неистовыя мысли; всѣялъ къ нему презрѣніе, гордость, ненависть; и потому дѣлалъ онъ ему во все время нещастія превеликія пакости. Иногда его одного покидалъ; иногда спалъ, когда надобно было ишти; иногда въ опасныя мѣста заводилъ; иногда издѣвался, опнимая палочку, запутывая ноги, возводя на гору, вѣшалкивая въ грязь, прицѣпливая къ чему нибудь; словомъ, былъ самой неѣрной и худой вожатой; и Ураній уже послѣ узналъ, что имѣлъ онъ участіе въ заговорахъ къ обнимъ мяпежамъ.

Достигли они наконецъ до Чернаго моря. Оттуда дошли въ Тѣбы городъ, котораго спасиори прославлены Гомеромъ; а послѣ пошли въ средній Египетъ, гдѣ его вожатой съ превеликимъ удовольствиемъ рассказывалъ о пирамидахъ, обелискахъ, Лабиринтѣ, Меридовѣ озерѣ, о порогахъ, источникахъ, разлипши, мѣрѣ Нила рѣкѣ проч. Но сколько топъ искусству удивлялся въ Египтѣ, столько Ураній думалъ о своемъ вѣ-
ра-

врачествѣ; но по нещастію его, врачебная наука не была тамъ въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ землемѣре и архипекпура; ибо каждой Докторѣ лечилъ только тамъ одинъ родъ болѣзни; а ядъ, которою ослѣпилъ очи Уранія, разливался и по всѣмъ другимъ членамъ тѣла.

Ходили иногда они къ жрецамъ, въ которыхъ, по слуху, вся скрывалась му-
дрость. Но Ураній хоти и нещастный, но порфирородный, и отъ напуры имѣя ве-
ликой дарѣ, внутрѣнно почипалъ ихъ паче
безумными, а не мудрецами; ибо поелику
оди кланялися крокодилу; другіе трепе-
тали предъ нахравшеюся змѣй птицею
Ибисомъ; тамъ златалий образъ сиялъ свя-
тлыя обезьяны; индѣ морскихъ звѣрей;
здѣсь рѣчную рыбу, тамъ цѣлье народы
пса почипали; сверхъ того рѣпчайый и
мѣлкій лукъ грѣхъ у нихъ рвать и ку-
шать; гдѣ по садамъ родились боги. При
такомъ омраченіи ума, думалъ Ураній,
не можно найти того душевныхъ лекарствъ
сокровища. Всѣма скучалъ онъ, что споль
далекой и трудной предпріялъ путь; а
вожатой не преставалъ ругаться надѣнимъ;
подводилъ иногда Уранія къ чучаламъ, ло-
шадей, воловъ, собакъ и проч. которыхъ въ
Египтѣ снавились для устѣрашенія пре-
ступниковъ; и подводя его голову, или ру-
ку къ устамъ сихъ мнимыхъ животныхъ,

смѣясь кричалъ: ужо тебя сѣсть! Сие наказаніе Пиѳагоръ, научась въ Египтѣ, всему свѣту обнародовалъ.

Ураній часъ отъ часу въ большую веергался печаль, да и болѣзнь его усугублялась. Не терпѣливо хотѣлось выспѣши ему изъ Египта, и дойти въ тѣ страны, въ которыхъ слава дѣлъ его Оца весьма громко носилась, и который устроилъ когда-то для преведенія воинства своего чрезъ Черное море мостъ преудивительнаго искусства, копорому нынѣ ниже подражать могушъ.

Перешли они море, и вожатой завелъ его тумъ въ непроходимыя пустыни, въ которыхъ премногія терпѣлъ онъ бѣдствія; иногда помиралъ онъ съ голоду; иногда томился жаждою; иногда угрязали его змѣи, и средства незналъ, какъ и куда выбраться изъ такихъ бѣдственныхъ мѣстъ. Тогда Уранію несносною назалась жизнь, и онъ многократно желалъ умереть.

Между тѣмъ гибній и чадолюбивый Опецъ наблюдалъ слѣды сына своего, боясь, дабы въ горести не нанесъ самъ себѣ насильственно рукъ. И хотя всегда обѣ немѣ крайне сожалѣлъ: но дабы оказанъ подданымъ свое правосудіе; не хотѣлъ онъ вскорѣ преступленіе его простить, да и не могъ

могъ слѣпопѣтующему наслѣдное царство вручить; хотѣлъ также произвести большее желаніе къ изображенію врачевства, а чрезъ то бы ему и тяжестъ узнать своей вины.

И какъ иѣкогда Ураній приближался къ высокой горѣ; то Опецъ хотѣлъ ему шамъ скрытию явиться. Въ то время сдѣлалась воздушная перемѣна: буря, громъ, молнія, шрекъ, вѣтръ въ смятеніе привели Ураніевъ духъ; но при тихомъ послѣ зефирѣ слышитъ онъ голосъ подобной родителіи своего. Сердце въ немъ запрепетало. Смятенный радостію и страхомъ, съ поспѣшностью восходитъ онъ на сию гору; блещущая молнія пожгла всѣ вредныя частицы; а воздухъ и безъ того на вышнихъ мѣстахъ чистѣйшій, освѣтилъ иѣсколько его очи, и онъ, подобно какъ сквозь завѣсу, узрѣлъ иѣкомпорую родителію тѣнь, но на одно покмо мгновеніе ока. Прими первое врачевство! услышалъ онъ збивчиво. Послѣ того нашелъ онъ свитокъ, котораго писаніе вожатой ему прочелъ. Коротко было написано слѣдующее: для своего врачевства омывайся чистѣйшею агнца кровью; а дабы получить тебѣ наслѣдство свое, заплати мнѣ сразмѣрно за обиду.

Тогда Ураній въ крайнемъ будучи удивленіи разсуждалъ: чудное и неслыхан-

ное врачевство! обмыгаться кровлю невинного агнца, и для соблюдения человеческой жизни лишать жизни животныхъ. Какое для меня непонятное чашество! видно пропивное уврачевать должно пропивнымъ, и. е. смертию жизнь. По угрызеніи змѣю ноги, должно, расперзваѣ голубя, приложить кровопочащаго къ язвѣ; сіе средство извѣстное: но мудрый и опыты знающій мой Отецъ, можетъ быть сокрывающій въ агнчей крови скрепъ, мнѣ непонятной, дабы я къ познанію самъ доходилъ. Кронились сею кровию Авель, Енохъ, Ной, Авраамъ и проч. И хотя не были они слѣпопоступающими; но видно, что если въ мей врачевство и отъ другихъ болѣзней. Но моя содрогаєтсѧ луша, воображая жестокость убийства: какъ могу просперти руку мою, и поразить острымъ ножемъ связанного, томящагося и умильно на меня взирающаго маленькаго, бѣднаго, а паче невиннаго ягненочка? Ежели я безъ слезъ и жалости не могъ слышать писку въ коктаяхъ ястремя умирающаго воробушка, то какъ приспуплю къ сему пролитию крови? Но вотъ познаю намѣреніе Отца моего! онъ хочетъ, чтобы я, закалая сіе животное, данное на службу мою, позналъ тяжестъ преспупленія моего; позналъ, что я преспупникъ его повелѣній, сего заклания, сея смерти; я ипакою жестокости и мученія доспойнъ: о колъ праведно Отче мой!

мой! я всего доспойни! но да будетъ та-
ко! исполню сіе! — Но могуль сразмѣр-
ную цѣну за обиду поставилъ? Не вѣчно
ли паче лишаться миѣ паслѣдства своего?
Я нищъ и нагъ! когда я блаженную про-
вождалъ жизнь, и тогда богатство мое не
сразмѣрно было славѣ родищеля моего. Но
коль сіе нынѣ не возможно! можетъ ли
человѣкъ рѣку воды выпить? Можетъ ли
гору на другое мѣсто переставить? Кто
можетъ на небо взойти? Нѣтъ! нѣтъ! ни-
чѣмъ за обиду не могу удовлетворить. Но
не требуетъ ли Отецъ мой, думалъ Ура-
ний, сего удовлетворенія, дабы я падъ
предъ ногами его испросилъ его помилова-
нія, чего прежде не сдѣлалъ. Нѣтъ! па-
ки самъ себѣ возражалъ; не можно симъ
средствомъ утолить гнѣвъ Отца моего;
ибо можно ли пролитую воду собрать? Убий-
ца, приносящій покаяніе въ душегубствѣ,
возвращаетъ ли отнятую у ближняго жизнь?
Жаль было Кліпса, котораго пьяный Александъ
убилъ; но раскаяніе осталось, а
жизнь невозвращена.

Такъ разсуждая Ураній, сколь ни труд-
ные находилъ для себя, кѣ возвращенію
перваго щастія, способы; однако же былъ
упѣшенъ; паче всего чувствительно было
для него первое средство т. е. пролитіе
крови. Вожатой его не оставилъ и тутъ
безъ ругательства, наложилъ препяжкіе на

иего оковы, которыхъ онъ, во все время нещаснія своего, свергнути съ себя не могъ.

Потомъ пуспились они паки въ путь. Уранію весьма хотѣлось ипши въ Палестину, дабы видѣть Соломоновъ славный храмъ, и омываться изобильно памъ проливаемою животныхъ кровію: но вожатой терпѣть того не могъ; и такъ свелъ Уранія съ мѣстиннаго пушки, и повелъ его въ Грецію.

Не сполько Индійцы хвалились своими браминами; Египтяне своими жрецами; Европы Гимнософистами; Либійцы своимъ Аплантомъ, Галлы своими Друидами сколько Греція своими Академиками, Перипатепиками, Спиками, Сдепщиками, Циниками и проч. Слава по всему свѣту пронеслась, что Минерва изъ Египта перешла въ Грецію. Ураній, будучи въ оковахъ, насильно, пакъ сказашь, влекомъ быль онъ своего вожатаго, которой въ Греческихъ городахъ ругался надъ нимъ болѣе, нежели гдѣ индѣ.

Пришедъ они въ славный городъ Аенны, нашли какого-то широкоплечаго философа; около его раскладены были нѣкоторыя поемы, шрагедіи, живописныя посредственныя картишки; сидѣлъ онъ на Академической кatedрѣ, и когда обучалъ физикъ, то поминалъ Гераклиста; а когда

Лю

Логикъ, то упоминалъ о Пиѳагорѣ; во и правоученіяхъ о Сократѣ; и какъ слухъ иносился, что будто онъ возвращаясь изъ Египта, читалъ на дорогѣ Моисеевы книги, то потому, можетъ быть, признавалъ онъ единаго Бога; но бредиаъ, будто ему помогаюиъ демоны и какія то героини. Тертулліанъ (церков. учит.) говорить, что изъ его ученія многія въ христіанствѣ родились ереси.

О врачебной наукѣ онъ ничего не упоминалъ, и потому Ураній не охотно его слушалъ.

Потомъ надобно было ему ити чрезъ Спагириинъ. Городъ сей былъ нѣкогда раззоренъ; но В. Александръ, изъ благодарности къ своему учителю, которои въ немъ родился, восставилъ и возобновилъ. Желательно было слышать Уранію что-нибудь отъ такого учителя; а вожатой удивясь говорилъ, что єщои самой низенькой и непригожей философъ сидѣлъ подъ шой капеллы, гдѣ они были, и учился. Правда, что онъ учение яснѣе своего учителя предлагалъ, но и говорилъ много того, о чёмъ его учитель не утверждалъ. Онъ на пр. сказывалъ, что миръ сей вѣченъ; что вѣ свѣтъ не бываетъ случайно и проч. О врачевствѣ также ничего не упоминалъ; потому Ураній больше и не слушать ни медлишь не хотѣлъ.

Пото́мъ пришли они въ Кипръ; на пристани расхаживалъ въздъ и впередъ мудрецъ, которого видѣ, голосъ и осанка показывали неу страшимость; подлѣ него ходили Клеанти, Хризиппъ и премногіе другіе. Сказываютъ, что слышалъ онъ Оракула изреченіе, дабы обращаться съ мѣрными людьми т. е. книгами. На тоиъ самый случай, когда Ураній туниѣ стоялъ, спросилъ одинъ изъ его учениковъ: чи то есть другъ? Отвѣчалъ: я другой. Научалъ онъ, что Богъ есть душа міра; чи то человѣкъ и въ Фаларидовомъ быкѣ есть блаженъ; признавалъ въ свѣтѣ случай; ругалъ спрасили; а о врачевствѣ и пакже ничего не упоминалъ, и пошому Ураній болѣе ничего не слушалъ; хотѣлъ было иппи въ другій города; но зашелъ паки въ Аѳину.

Тутъ нашли они уже нового учителя, который въ то время краснорѣчіе ругалъ за то, чи то оно соспомитъ въ пустомъ и надупливости словъ. Упоминалъ онъ пакже о какихъ-то атомахъ, или единицахъ; будто они лепая, какъ пылинка, слукаемъ какимъ-то составили міръ. Дозволялъ вдаваться во всякой родѣ сластолюбія, и хотя нѣкоторые защищаютъ его въ семъ, а обвиняютъ Аристиппа одного; но Ураній самъ слышалъ, какъ онъ научалъ, чи то души человѣческія пропадаютъ съ тѣлами

своими; и будто бы Богъ ни малѣйшаго попеченія о мірѣ не имѣєтъ. — О вра- чевствѣ онъ ниже словомъ упомянулъ, отъ чего Ураній часъ отъ часу въ большую по- гружался печаль.

Видѣли они тутъже еще какого-то учителя, кошторой, сказымающъ, сперва былъ живописцемъ, а послѣ учился у вол- ховъ. Онъ весьма мало говорилъ; а въ пре- великой задумчивости уходилъ въ уединен- ныя мѣста, и на смерть не любилъ, ко- гда кто его о чёмъ спрашивалъ, или по- говоришь съ нимъ хотѣлъ. Ученикамъ сво- имъ иногда на вопросъ отвѣчалъ, что онъ да и никто ничего незнаетъ, и полно есть- ли онъ въ себѣщъ, и о томъ сомнѣвается. Сколько ни былъ Ураній огорченъ, однако усмѣхнулся, и прочь пошелъ.

Напослѣдокъ попались имъ еще двое мудрецовъ гораздо удивительнѣе, нежели всѣ прочие. Учитель самъ ходилъ когда-то учиться къ Сократу изъ Пиреи каждый день по 40 верстъ: а ученикъ его и по- го былъ удивительнѣе. Вождѣй рассказы- вали Уранію, какъ онъ одѣтъ въ епанчу, кошорал виситъ на одномъ плечѣ, въ ру- кахъ дубина, за поясомъ ковшъ, кошорымъ воду черпалъ, а послѣ бросилъ; волосы не причесаны, не умыты, беспеченъ; живетъ въ бочкѣ, кошорую та шу обращаетъ спо- рому,

рону, куда съѣтишъ солнце. Весьма много смѣшного видно было въ немъ. Любилъ онъ одну Моральную философию, а прочие всѣ науки ругалъ. Сказывающъ, что при смерти спрашивали его друзья; гдѣ и какъ его похоронить? Бросьше меня отвѣчалъ, на същеніе пшицамъ; только положише възлъ меня палку, чѣмъ бы можно было отбиться.

Попадались имъ и еще премного по всей Греціи такихъ мудрецовъ, но они всѣ были сихъ вышеупомянутыхъ послѣдователи, и какъ ихъ учителя, такъ и они не только между собою не были согласны; но презирали, съмѣялись, другъ друга ругали и порочили; и какъ раки въ кулькѣ вмѣстѣ сидяшъ, а выпущенные ползли на разныя стороны.

Ураній крайне сожалѣлъ, что предпринималъ путь свой въ Грецію, сполька же тщетно, какъ и въ Египетѣ. Думалъ было онъ найти Гиппократа Ескулапіева сына, и отъ него получить какое нибудь исцѣленіе очамъ; но онъ тогда жилъ, какъ некоторые думаютъ, у Пердикки Македонскаго Царя. Впрочемъ у нихъ и недозволялось учиться свободно медицинѣ. И Агнодиця, девица прерядившаяся въ мужское платье, и обучившаяся скрытно пивальному искусству, дабы дѣлать помощь

мошь безвременно премногимъ умирающимъ родительницамъ, побудила Ареопагъ къ изданию закона, въ которомъ позволялось учиться благороднымъ врачевству; но и то ограниченно.

Самъ вожатой скучился болѣе по Греции бродить, а Уранію неперѣливо хотѣлось изъ Греции изытии, и итии въ обѣщованную землю, въ коей, помня данное ему на горѣ предписаніе, ушёшался онъ надеждою получить облегченіе омытиемъ крови своихъ очей.

И такъ вышли они оттоль, и продолжали путь свой весьма тихо; ибо Ураній съ печали, оковами и болѣзнію угнѣпаемый, едва могъ ноги волочить. Усилино и со слезами просилъ онъ вожатаго, дабы, сжалившись надъ ого бѣднымъ состояніемъ, не заводилъ болѣе никуда, а шель бы прямо во Іерусалимъ. Вожатой не только на слезы его преклониться не хотѣлъ; но пылай къ нему ненавистію, а своимъ любопытствомъ неперѣливо желалъ видѣть Римъ.

Ураній никакъ не могъ поспѣшино итии, и потому путь ихъ былъ долговременій; а между тѣмъ Римляне соорудили великолѣпный Минервъ храмъ. Мумміевъ указъ повелѣвалъ перевозитъ всѣ Греки

Греческія изъ Коринѣа, Аѳинъ и проч. рѣдкости въ Римѣ; и ежели кто на доро-гѣ упрачивалъ, или повреждалъ какую до-рогую вещь, то на мѣсто ихъ вдвое пови-ненъ былъ плащать. Солоновы законы пе-ренесены и на денатціи таблицахъ об-народованы. Науки часть отъ часу умно-жались, возраспали и въ цвѣтущее состоя-ніе приходили начинали. Музы основали тамъ свое жилище, и любители наукъ Римѣ сдѣлали своею столицею.

Наконецъ приплелись они въ Римѣ: Ураній едва ноги волочилъ. Вожатой ра-сказывалъ, сколь великолѣпные въ немъ хра-мы, какія зданія, каналы, сады, москвы, статуи, обелиски, библиотеки, театры, теплицы и проч. Но Ураній ничего обѣ-этпомъ слышать не хотѣлъ, да и самъ вож-атой удивлялся, что сии великолѣпныя зданія не только хуже Египетскихъ были, но ничѣмъ не отличны, и почти тѣ же самыя, копорыя въ Греціи были. Мудр-сивованій въ Римѣ отъ Греческаго различ-ныхъ они не слыхали; но все тоже тамъ говорили, и томужъ научали съ иѣкопо-рымъ весьма немногимъ прибавленіемъ. И хощя называли они себя добродѣтельными и мужественными Спокаками, но были бо-лѣе послѣдователи Епикуровы. Думалъ было Ураній, что почитаніе сея секты до муждѣ привело можетъ быть у Римлянъ въ

въ совершенство врачебную науку: ибо гдѣ разпустная жизнь, шумъ и болѣзни; а гдѣ больше болѣзней, шумъ больше и врачей. А больныхъ лечили они слѣдующимъ образомъ. Выносили недужныхъ и полагали при публичныхъ дорогахъ; проходящіе сказывали иногда ко уврачеванію способъ, ежели сами въ пакихъ же когда нибудь болѣзняхъ были. По выздоровлѣніи написывали эпомъ самой способъ, и приносили къ жрецамъ, или прибивали у храма на дверяхъ. Сказывавшъ, будто Гиппократъ, собирая сіи записочки, вписывалъ въ книгу, и пѣмъ положилъ начало врачебной наукѣ; а что Піппы говорятъ, будто бы врачевства изобрѣтатель Аполлонъ, то разумѣютъ они, чрезъ эпо, свойство солнечной теплоты, оживляющей разумъ. Но какъ сей способъ полагалъ на улицахъ больнаго показался самимъ Римлянамъ скученъ и невыгоденъ: то учились у нихъ врачевству одни рабы, и знали только одинъ родъ болѣзни; поэтому и Ураніева надежда ко уврачеванію себя совершенно ищущюю оспалась. Слухъ исился, будто изъ Пергама (Азіат. гор.) пріѣхалъ въ Римъ Галенъ, что и правда; но убоясь моровой язвы паки отпугда бѣжалъ; оставилъ только 200 книгъ, кошѣя послѣ его въ пожарѣ въ затворенномъ Януса храмѣ сгорѣли.

Тогда

Тогда Ураній думалъ: доколъ я не
увижу предъловъ горести моей! будучи от-
всюду нещастіемъ окружень, вѣчно лиша-
юсь надежды зресть мое исцѣленіе, зресть
лице благошворнѣйшаго родителя мо-
его. Опчайно долженъ бы я умереть;
еслибы не удерживали отъ того обнаде-
жній моего праведнаго Опца, которої
никогда меня обмануть не хочеть. О
любезный родитель! сжался надъ бѣдно-
сю по сыну моему: сжался и отврати сіи
заключенія, которыя претѣрпѣваю я, от-
шедъ отъ тебя на далекую страну!

Послѣ тогоже рѣшились они прямо ити
ко Іудею, и вожатой не спорилъ: но Ура-
ніевъ вѣкъ уже преклонялся къ старосши.
И когда наконецъ пришелъ въ крайнее раз-
слабленіе и немощь: то умѣшался онъ
иногда во снѣ, а иногда и на лву [ибо
на по мгновеніе бѣка отверзался слабый
очамъ сѣвѣ], явленіями. Иногда предста-
влялись ему жатва и серпъ; иногда горя-
шій угль, иногда свѣтоносный Ангелъ, ино-
гда чудная лѣспвица, проведенная къ до-
му его опца; иногда новій Іерусалимъ.
Однажды видѣлъ онъ преудивильное ко-
ло сѣвѣлое, огненное, блиставильное, пред-
ставляющее въ срединѣ человѣка, а по че-
тыремъ странамъ четырехъ животныхъ
съ крыльями, и само собою движущееся,
четыре лица, человѣческое, лвиное, тель-
чее

чес и орлес, и четыре крыла обращались, не смѣшиваясь съ своимъ кругомъ; въ срединѣ ихъ былъ какой то блестательной свѣтъ, подобный видѣнію свѣтъ сообразующихся посредѣ животныхъ, отъ которыхъ блестала какъ будто нѣкоторая молния; и когда двигались, или шли сіи животныя, тогда двигались и колеса, и все сіе двигалось духомъ: изъ средины слышанъ былъ великий шумъ, а свѣтъ подобенъ былъ радугѣ. Самъ Ураній не понималъ, чи то видѣніе посовоображенію ли одному только представилось ему, или тѣлесно, и попому неизнанъ какъ истолковать. Думалъ онъ, что эта Гіероглифическая колесница, или означаетъ ту торжественную побѣду, которую нѣкогда Отецъ его одержалъ надъ Египтянами; или праведный наступающій его судъ; или больше его поспѣшность, предусмотришельность въ дѣлахъ и неукоснительную требующимъ помошь, и попому толковалъ онъ себѣ это въ хорошую сторону. Страшнымъ казалось сіе явленіе, и Раввины спрѣжайше запретили, дабы никто не дерзалъ оное толковать.

Послѣднее явленіе паче всѣхъ устрашило его; но пріятную однако же возродило въ немъ надежду. Видѣлъ онъ какого то свѣтлonoснаго мужа, копорой возбуждалъ изъ гробовъ тѣхъ мертвыхъ, коихъ имена вписаны

саны были въ книге, среди ихъ суда лѣ-
жащія. Другой муѣъ, облеченній во льня-
ную одежду, стоялъ на водѣ, и поднявъ
руки свои къ небу клялся, что во время
и во времена, и въ полѣ времена по скон-
чаніи будешъ разъяніе людей; а до исполн-
ія сего запечатанія была книга. Ураній
полковалъ, что въ сіе назначенное время
послѣдуетъ конецъ бѣдствій его, и что
милосердій и правосудный Отецъ его по-
сылаемъ ему обѣщаніаго врача; что ско-
ро онъ узрітъ свѣтъ, и паки будешьъ
имѣти право бысть наслѣдникомъ обладанія
своего; въ чёмъ онъ и не обманулъ.

Пинаясь сладкимъ упованіемъ, про-
должалъ Ураній весьма тихо путь свой,
болѣзни, оковы, нещастія, старость, дря-
хлость привели его въ крайнее изнеможе-
ніе; но какъ иѣпѣ ни одного нещастнаго,
кошорой бы не питалъ себя какою нибудь
надеждою; то и Ураній облегчалъ иѣсколь-
ко оною заключенія и горести свои. Хищ-
ныя птицы сѣдаютъ иногда пріятнѣй-
шіе чрезъ все лѣпо брегомъе плоды предъ
тѣмъ, какъ только было сорвать надобно;
шестипѣтияго сына, несказанныю для ро-
дителей утѣху, похищаемъ иногда смерть;
морскія иногда волны разбивають корабли
у самаго приспанища; приходящій къ са-
мому окончанію, домъ испирѣбляетъ иногда
гожаръ: подобное нещастіе поспѣло Ура-
нію.

Бѣ самой Самаріи подходилъ онъ къ Иерихону, городъ хотя и изобильной плодами, но давно пагубный ворами вредныи. Адоминъ было мѣсто на срелинѣ пупи, на которомъ попался бѣдный Ураній безчеловѣчныи разбойникамъ въ руки. Божией бѣжалъ и скрылся. Сорвавъ съ него напередъ платье, били они его, мучили, рѣзали, терзали, и еле жива сущаго оставили на пупи, гдѣ, понеже ни помоши ни врача не было, то единственно оставалось умирашь. Сіе безчеловѣчное разбойниковъ дѣло показывашь, какъ-то изсекла между людьми любовь! пупи и спранствованія сущъ Божія установлія, каторой хотѣлъ, дабы люди симъ средствомъ соблюдали взаимное другъ другу вспоможеніе, торги и дружество; но лжецы и обманщики, ищущіе своея корыстіи, и желающіе ближнему зла, сущъ разбойники. Ураній спасаѣть, и съ минуты на минуту ожидалъ своѧ смерти. По слу-
чаю шли мимо его Левитъ, пошомъ священникъ Уранію надобно было чаять оныхъ помоши; ибо ежели священники на-
учаютъ закону Божію, и вкореняютъ къ Богу и ближнему любовь, то конечно бы можно сжалиться надъ его состояніемъ. Правда, что со ужасомъ они взглянули на его раны; но не прерывая продолжали путь свой.

Уже было начало Ураній закрывать
зѣницы свои; истощевались уже силы его;
кровь повсюду ручьями текла; не вѣ си-
лахъ будучи двигаться, только было испу-
стить духъ свой, и душа его почти раз-
лучалась съ тѣломъ; какъ вѣ то самое
время шель үѣкно Самарянинъ. Сердце
сего Самарянина содрогнулось отъ жалости,
взирая на безчеловѣчное мученіе. Опцы
не имѣюшъ такого человѣколюбія къ дѣ-
шамъ, сколько сей Самарянинъ оказалъ
своей надъ Ураніемъ любви. Остановясь
на пупи, сошелъ съ своего коня, поднялъ
его съ бережливостию, и обвязавъ его раны
привезъ вѣ госпинницу. Сѣйпопитвующій
Ураній начиналъ возвращать душу, но не
могъ видѣть, кто это былъ премилосер-
дый благотворитель его.

Но сей - то былъ онъ юный рожденійный
врачъ, котораго Опецъ послать обѣщалъ
ему при самомъ преступлѣніи его. Сколько
великое нещасіе было Уранія, столь же
многъ и сей врачъ! Лежащаго на одрѣ Ура-
нія окропилъ онъ живою водою: тогда - то
начали у него отверзаться очи. Боже мой!
какую почувствовалъ вѣ сердце своею ра-
дость! не столь радовался Гаиръ по воскре-
сеніи дщери своей, какое веселіе ощущалъ
Ураній вѣ лушъ своей. Тогда онъ любез-
ными очами взирѣлъ на врача своего. Ахъ!
что я вижу! говорилъ, сей есмь самой
опецъ

отецъ мой , сей есть самой я . Ничего подобнѣе въ свѣтѣ пайти не возможно ; онъ мнѣ жизнь даровалъ , онъ меня и онъ смерти избавилъ . Благонворицельный врачъ не преставалъ омывать живопосното волою его раны . И сколько тяжкія были сии раны , сколь удивителенъ врачъ , споль и самая его живоносная вода .

Сие необыкновенное врачевство слѣдующимъ образомъ сдѣлано было : Како-Финѣ знаа , что сей Филантропъ равный по всему Ураніеву Опіцу (такъ имѧ было врачу) , надѣвъ на себя другой видъ , желаа избавить Уранія отъ нещастія , хотѣлъ по злости своей нанести кому въ препястствія , и такъ научилъ людей подобныхъ себѣ , дабы Филантропа умертвить . Напали на него , мучили , били , терниемъ и колицемъ кололи , но онъ скрывшись въ нѣдрахъ земныхъ 39 часовъ не только не умеръ , но изъ самой крови своей сдѣлалъ Уранію врачевство . Сие дѣйствіе сходно было съ Іосифовою злую участію , изъ которой Богъ содѣлалъ добро . И такъ еспѣли онъ мѣшиалъ свою кровь съ водою , то служила она Уранію очищеніемъ ; еспѣли съ муромъ , то укрѣпляла она его силы ; еспѣли съ его слезами , то очищала Ураніевы спруты . Сие чудное врачевство подобно птицѣ неясныи , коѧ дѣшней смерщельно ненавидитъ змѣй ,

и ежели не мрежеть на гнѣздо ея всползти, то взлѣзаетъ на близъ спояшее древо, и по вѣнцу пуская ядъ свой умерщвляющъ птицъ, которыхъ не ясть нашедъ умершихъ, разпростираетъ надъ ними крылъ, и бѣа въ перси носомъ, источаетъ свою кровь, и тѣмъ оживляетъ. Говоряще, что Персы для поклоненія и истребованія помочи отъ своего Митрама (солнца) должны были просидѣть въ сколько дней въ подземельной пещерѣ, претерпѣть зной, холодъ, побои проч. Но то былъ обманъ; а Филантропъ для помощи Ураніевой спра-ведливо все вто претерпѣлъ.

И такъ Ураній омыаясь сею водою всталъ и принялъ новыя силы и новую печукоствоалъ въ душѣ перемѣну. Филантропъ оставилъ его въ госпиннице, велѣлъ прилагать обѣ немъ всевозможное попеченіе; а для большаго вспоможенія оставилъ и сребренники госпиннику. Тогда узналъ Ураній, чѣто си-то самые сребренники шли изъ рукъ его Отца, что ими должно платить за нанесенную обиду своему родителю, и чѣто агичая кровь предзначалася Филантропа.

По совершенномъ исцѣлении недлячесто было Уранію медлить въ чужихъ спра-нахъ; ибо весьма сильно Филантропомъ былъ онъ увѣренъ о получении первого на-слѣд-

слѣдствія своего , котою для путеводства послалъ къ нему иѣсколько своихъ рабовъ ; пришелъ тогда и вожатой , но онъ уже ему былъ не надобенъ .

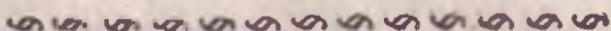
Не споль поспѣшио бѣжитъ елень на водные источники ; не споль радосши исходитъ изъ темницы осужденной ; не шакъ птичка рвецся изъ клѣтки своей : сколь не терпѣливо желалъ Ураній узрѣть отеческой домъ , а паче его вожделѣнное лицо , его любезныя обѣяния .

Отецъ видѣлъ уже приближающагося сына , и черпоги изготавленные ему украсилъ паче первого . Украшеніе сіе видѣлъ С. Іоаннъ . Онъ говорилъ , чюо былъ по градъ , котораго свѣтило подобно камени драгому , яко камени Іаспісу кристаловидну , котораго спѣна весьма великая , имѣла дванадесять воротъ , отъ воспока , сѣвера , юга и запада по шroe ; спѣна сдѣлана изъ яспіса и золота , которое подобно чистѣвшему спеклу ; основаніе было изъ сапфира , халкідона , смарагда , сардоникса , хризоліеа , топазія , аметиста и проч . Каждые врата сдѣланы изъ одного бисера и проч . Ураній сѣ восхищеніемъ подходилъ къ сему граду , и хотя смущало его прежнее преступленіе , но весьма надѣялся онъ на увѣреніе Филантропа . Едва только приближился къ вратамъ ; то Отецъ сѣ

съ поспѣшното исходилъ на встѣшненіе :
напалъ на выю его и облобызалъ. Обле-
кися , сынъ мой ! говорилъ онъ ему , въ сию
твою прекрасную первую одежду ; возьми
сей перстень ! иди возлюбленный мой ! или
въ домъ твой ! позабудь горести твои ! по-
койся въ сихъ преукрашеныхъ чертогахъ
твоихъ ! обладай всѣмъ моимъ имѣніемъ .
Будь обрадованъ , будь упѣшенъ , будь
ободренъ , буди на вѣки благополученъ .

С Т Р А Ш Н Ы Й С У Д Ъ, П О Е М А.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

Ipse pater media nimborum in nocte coruscā
Fulmina molitur dextra, quo maxima motu
Terra tremit; fugēre ferae, & mortalia corda
Per gentes humilus stravit pavor . . .

Виргилий

Въ Санктпетербургъ 1777 года

Kirdan

Тогда какъ другіе поютъ щастіе Вельможей, славу побѣдителей, премѣны Имперій и все сіе великолѣпное собраніе человѣческаго могущества : тогда какъ стихотворцы ощечества моего благороднымъ жаромъ воспламеняясь послѣдують сказьямъ Аглинскаго Іюя * и дѣлають себя бессмертными, похваляя его бессмертія достойныя дѣла : тогда я поступая даже до конца вѣкоѣ , и очамъ смертныхъ отверзаю удивительнѣйшее и страшнѣйшее позорище , нежели наши Марсовы поля. Хощу пронзить ушеса ихъ гремящимъ звукомъ той трубы, которая соединитъ племена земныя, отъ коихъ услышашъ они послѣднія вздыханія издыхающія природы : хощу описать вселенную трепещущу и устриженную , землю и небеса разрушенныя, древний скипетръ смерти сокрушенный , нѣдра гробницъ покойблемы для возвращенія мертвыхъ , и бессмертнаго пришедшаго судити ихъ , и изречи слово судное о вѣчной ихъ судьбинѣ.

а 2

Коле-

(*) Герцогъ Малборугъ.

Колеблющъ между страха и веселія ,
 взыраю на смѣлое мое намѣреніе , и трепет-
 щущъ себя вопрошаю , како такое воображеніе
 могло въ мысль мою вселиться ? Все чѣо дне-
 вное и ночное свѣшила зѣбли величайшаго и
 спрашнѣйшаго , естъ гораздо меныше моего
 предпѣтія . Съ того времени , какъ я его
 учинилъ , не зрю болѣе бліспанія , ни велико-
 лѣтія въ престолѣ Англинскомъ , ни въ его
 могущесвѣ , и края шара , который я на-
 селяю , суть пѣсны для стиховъ моихъ . Ок-
 ружите мя , да услышши мій гласъ , пюл-
 па міровъ разсѣянныхъ во вселенной , и вы
 Ангелы какой бы ни былъ вашъ чинъ , ка-
 кое бы ни было ваше существо , и колико
 бы отдалено ни было ваше жилище , при-
 теките всѣ на помоць слабому смертному
 я славу превѣтнаго вашего отца пѣти пред-
 прѣмлю .

Вышній судія всѣхъ естествоў , та-
 предъ коимъ колѣна преклоняющъ и унижа-
 ющіяся Ангели : естъли по первому знаку
 изволенія твоего , всѣ сіи причины , кои по-
 ряя удивленіе наше привлекаютъ , всѣ сіи
 бліспающія свѣтомъ міры , толпою вышл-
 изъ нѣдрѣ нощи , и изъ проастій Хаоса
 занимать опредѣленныя имъ мѣста въ про-
 странствѣ . Удоспой такожде и мя возчу-
 сливовать дѣйствія твоего всемогущества ,
 учиши смущеніе чувствъ моихъ , прогони
 мракъ души моей , и настави мя ; дай по-
 моць силамъ моимъ , и разуму моему крѣ-

посты учинитъся равну величеству моей причины.

Человѣкъ возводитъ горѣ очи , и взираетъ на красопу вселенныя. Зримъ землю, и пріятную поверхность ея полей : сей изъ зелени и цвѣтовъ сочиненный коверъ , коимъ украшаетъ весна, и позлащенный жатвы , коими осень ее обогащаетъ. Слышишъ ревъ древняго океана, зришъ сихъ чудовищъ, кои движутся въ его нѣдрахъ, и коихъ ужасныя шѣла сочиняютъ въ водахъ сильныя ше-ченія , которыя увлекаютъ безвѣшрѣемъ остаповленные корабли. Зримъ си дубровы , которыя возвышаются и увѣнчиваются верхни горѣ ; си рѣки , служащія границами Ім-перій , и раздѣляющія климаты ; си доли-ны , питающія блескательное сѣмя злата , и вмѣщающія въ ихъ глубокія изрытыхъ рудокопами пропастяхъ , щасіе царей и царствъ ; си холмы , возвышающіеся до об-лаковъ , и творящіе тѣнь своими верхами на окружныя поля. Зримъ си пространные гра-ды , многочисленныя воинства , сіе не из-щепное число военныхъ кораблей , и въ Ал-бонскомъ проливѣ владычествующую мор-скую силу , которая даетъ законы Европѣ. Еспѣли ухо твое не можетъ вмѣстить про-странный слухъ о всей землѣ , зри то въ країгцѣ въ единой Англіи.

Поіпомъ обрати твой взоръ на чудеса тверди. О коликое есть разстояніе отъ во-стока до запада ! око сѣ прудомъ досчи-
а 3

заемъ

заетъ до противулежащихъ краевъ сего го-
лубѣющагося пространства ; пространное
позорище , въ коемъ вихри могутъ про-
стирашь всю свою яростъ , и Господь весь
свой гнѣвъ. Возри на сіи сѣпила , коихъ
огни воспламеняютъ полусъ , направляютъ
путь годового теченія , и освѣщаютъ его
времена. Они блистають со времени ро-
жденія вселенныя , ни мало не умаливъ сво-
е ясности. Зри окончевающіяся , и возо-
бновляющіяся ихъ обращенія : о колику про-
страненіи ими прошекающій кругъ ! о колику
неизмѣримо пространство , въ коемъ шы-
сящими спѣсняясь сіи сѣпила обращаются !
Не удивляешься ли ты величеству всѣхъ
сихъ дѣяній ; и твердости ихъ основаній , не-
являючись ли тебѣ достойны безсмертия ?
... . Однако они всѣ должны погибнуть ,
и пастъ яко падають слабое зерно во время
его зѣлости. Тщетно мы будемъ искать ,
гдѣ была твердь небесная. Не останется ни
какого знаку на небеси сего блистающаго
собранія созвѣздій , ни на земли не будетъ
никакихъ слѣдовъ Имперій , гдѣ царствова-
ли Стуарты. Время будетъ обращено въ
ничто , исчезнетъ вселенная , и въ необъем-
лемой разумомъ человѣческимъ пустотѣ ,
не останется ни единаго атома.

Скоро или поздо , въ какое ни есть бу-
дущее назначенное время , коего страшное
тайство сокрыто въ книгѣ судебъ ; мо-
жетъ статься , что послѣ какъ земля де-
сять

сять тысящъ разъ возобновитъ свои жажды ;
послѣ какъ всѣ позорища ея поверъхности
будутъ имѣти тысящу разныхъ премѣнъ ;
тогда какъ новая имперія изъ древнихъ ра-
зоренныхъ возникнутъ ; тогда какъ другие
буроны (если люди тому достойны),
другіе Анны будутъ царствовать надъ дру-
гими странами ; тогда какъ родъ человѣ-
ческій, всегда любящій шумъ и беспокой-
ство на прежнихъ слѣдахъ за двадцать
прежде вѣковъ въ разныхъ смущеніяхъ бу-
дешъ упражняться , и не болѣе будутъ
шеперешняго рода помышлять о семъ дни, въ
коихъ земля испребится , въ копорый
солнце померкнешъ ; сей спрашный день
придешъ пробудится о мі-
ры , пробудится ; владыки народовъ , вну-
шите и вострепещите

Гусепе облако поднимается и закрыва-
етъ сѣть : незапная нощь окружаетъ всѣ
царствія міра : сильные вѣтры терзаютъ
дубровы , и далеко поломанныя деревья раз-
сѣваюшъ : си горы , копорые вѣчными ка-
зались , разрушаются , и суть колеблемы
въ воздухѣ яко и кедры , кои верхи ихъ по-
крывали : разверстая долины , глубокія свои
пропастіи показуюшъ : возмущенный океанъ
во всемъ своемъ пространствѣ реветъ всѣ-
ми своими водами , разбиваетъ свои прегра-
ды , и выливаясь изъ своихъ бѣговъ повсю-
ду проспирается ; кровавыя пятна разпро-
стригаются , и румянымъ цвѣтомъ багрятъ

лице луны : шаръ солнечный въ тьмнотѣ угасаетъ ; безпрестанный громъ гремитъ во отдаленіїъ иныхъ частяхъ воздуха , и продолжительный его ревъ простирается отъ единаго до другаго полусовъ . Въ сей часъ спрашная труба , половиной закрытая въ облакахъ , и половиною видимая очамъ смертныхъ , ужаснымъ повсюду звукомъ возгласитъ : громкій ея гласъ проникнетъ до средопочія земли , и разрушитъ лице міра Живущіе мертвы падутъ а мертвые возбуждаются отъ спраха ; ибо никогда толь ужасный звукъ не устрашалъ природу . Нѣтъ , нѣтъ , звукъ военныхъ трубъ , который отзывался въ небесахъ , когда Богъ и сашана сражалися въ поляхъ Ефира , когда кидаемыя всесильнымъ молнии бунтующихъ ангеловъ поражали , ни ужасные волны , испускаемые ими при паденіи ихъ во мрачныя пропасти , не были толь спрашны .

Естьли Ангели ниспали , какъ сына мъ человѣческимъ не препечати , и почитать себя безопасными ? Добрѣтель лѣнивому даромъ не дается , но бываетъ за бодрость продана ; труды , печали и беспрестанныя усиія суть нужны , для полученія и сохраненія ея . Прежде снисшестія во гробъ не обрѣтаются совершенное щастіе и спокойствіе ; опасности безпрерывно опасностиамъ наслѣдуютъ : и тако надлежитъ намъ чокко искать бѣзпокойнаго удовольствія , которое

торое побѣдою приобрѣтается , а не ти-
хаго веселій мира.

Если бы человѣкъ добровольно поко-
рялъ себя своей судьбинѣ , если бы во-
шелъ въ предѣлы своего еспества , если бы
тогда , когда роскошь просширается ему
прельстительныя свои длані , когда кра-
сота усмѣшками его призываестъ , когда че-
столѣбіе его искушаестъ , великолѣпно по-
казуя удовольствіе могущества ; если бы
тогда душа его пренеслася въ сіе будущее ,
представила бы она себѣ зѣбніе сего спра-
шнаго дни , вообразила бы себѣ звукъ
той трубы , и узрѣніе мертвыхъ съ
трепетомъ восстающихъ изъ нѣдръ посвя-
щенныхыхъ вѣчному молчанию гробницѣ . Та-
ковыя бы воображенія произвели въ ней толь
глубокія чувствованія , что нѣсть такія
властіи на землѣ , которая бы могла ее по-
колебать въ ея намѣреніяхъ . Возмнивши бы
она уже бысть соповарищемъ небесныхъ ду-
ховъ , на весь свѣтъ лишь токмо бы пре-
врітельные взоры простирала . Тщетно бы
присутственная смерть съ замахнutoю ко-
сою , угрожала ее поразить : бывъ вѣрна въ
своей побѣдѣ , желала бы битвы и по вели-
честву опасности , измѣряла величество
своихъ удовольствій .

Преступленія сей послѣдній день спра-
шнмы учиняютъ . Бѣгите отъ грѣха , и
узвите безъ спраха продолженія показанія

моего полнаго изображенія сего великаго приключенія.

Пока змѣя можетъ вредить, все то, что она имѣетъ въ себѣ прекраснаго и пріятнаго, спрахъ нашъ возбуждаетъ, и тогда густой праѣы, гдѣ она сокрываєтъ, мы ужасаемся; но какъ скоро жало ее вырывается, и она не опасна становится, тогда предъ очами нашими украшается; удивляемся мы свѣтящимся ея очамъ, гладкой и наѣченной ея кожѣ, блестательной ея чешуѣ, извивашемуся ея хоботу, поднимающейся горѣ главѣ ея; и все то, что прежде приводило насъ въ ужасъ, дѣлаетъся пріятно, и отвращеніе наше въ любовь премѣняется.

И тако пріиди моя музъ, коей меланхолической обычай любитъ печальныя и спрашныя позорища; ты, которую тольчасто видали спранствующую среди гробницъ, въ темномъ царствѣ нощи; пріиди описать ужасъ сего часа, страшнѣшаго изъ всѣхъ пѣхъ, каковые зѣлья свѣтили со времени своего рожденія, въ который спрахъ и отчаяніе достигнули до ихъ высочайшей степени; начни повѣтствовать намъ, какая премѣна учинится на землѣ, и какія спраннныя чувствия поколеблютъ сердце человѣческое.

Какое печальное позорище! Земля прежде щасливая, нѣжно наклонясь на своей оси, величественно обращалась пропека свои

свой круглообразный путь : мысящи лученосныхъ планетъ беспрестанно обращалися во кругъ ее , и яко царскій дворъ ей сочили : на нѣкоторыя была возложена должностъ содержать пріятныя перемѣны временъ года , и непостоянства осени и весны ; другимъ было поручено препровождать ее корабли по неизмѣримому пространству морей ; единаго свѣтила сосисяла должностъ возвышать и унижать поверхность океана ; другому освѣщать ее своими лучами было повелѣно , и по перемѣнамъ двумъ ея полушаріямъ приносить дань , и злато своихъ лучей. Сей шаръ шолико любимый небесами , шолико снабжденный милостями Творца , который его сопворилъ жилищемъ веселій и удовольствій , лишенный родительской любви печально повергнутъ въ тьмноту и во ужасъ спчаянія , и мрачныя нощи. Нѣсть уже болѣе солнца , кото-
рое бы блискало надъ нимъ и его освѣщало ; болѣе свѣту не видно , окромѣ того , кото-
рый про исходитъ отъ страшныя молніи , сверкающей въ небесахъ : опровергены и унижены его горы : знайнейший его рѣки иссохли , и поверхность его распоргнутая предста вляетъ беспорядочное смѣщеніе , и безконечную связь развалинъ , и нѣсть ни-
чего изъ находящагося подъ пресполомъ Вседержителя , что бы въ безопасности было.

Земля , таковъ есть твой предѣлъ !
Какое упѣщеніе , какое убѣжище дашь ты

ВИНО-

виновному твоему властителю ? О коли-
ко человѣкѣ , сей гордый царь владычествія
твоего , будеши уніженъ ! о колику онѣ бу-
деши проклинатъ знатный свой видѣ , и
властительную осанку , которые являются
его отличать отъ пресмыкающихся живот-
ныхъ ! Нынѣ онѣ узнаетъ , что червякѣ ему
равенъ , и такѣ же какъ и онѣ изъ того же
бренія сотворенъ . Колику болѣзенные стра-
хи будуть терзать трепещущее его серд-
це ! Всемогущій Господи , чего ради тако
оставляешь твореніе рукъ твоихъ ? О ты ,
что въ долгомъ твоемъ страданіи чувству-
ешь тещи болѣзнь въ трепещущихъ тво-
ихъ жилахъ , и проницать чувствія свои ос-
трымъ ея ядомъ , ты коего смерть ведеть
плѣнна въ темное свое царство , да нау-
чишся отъ нее страшныя тайны бѣдности
мертвыхъ ; ты же Господи , спаситель мой ,
покрый насъ милосію своею въ сей ужа-
сный часъ .

Вѣроломникъ , измѣнившій своему Госу-
дарю , чуствуетъ , что не можетъ снести
угрожающаго его взора ; пораженное стра-
хомъ его сердце къ бѣгству его понужда-
етъ : онѣ хотятъ выйти изъ своего отече-
ства , и искать во отдаленныхъ странахъ
себѣ убѣжища , которое бы сокрыло его отъ
мщенія : но скорыя повелѣнія его упрежда-
ютъ : строгій указъ затворяетъ ему моря
и заключаетъ въ его отечество : врача , ко-
ими искалъ своего спасенія , его отъ себя
отражаетъ .

отражаютъ подъ острѣе мстительнаго меча. Подобно сему людѣ будутъ бѣгать отъ воспока къ западу , отъ полуса къ экватору, тщетно ища убежища себѣ , которое бы скрыло ихъ отъ гнѣва бoga мстящаго. Пожелаютъ да окружитъ ихъ пламень , да покроютъ ихъ моря, да скроютъ ихъ въ нѣдрахъ своихъ горы каменны. Моря извергнутъ изъ нѣдръ своихъ виновныхъ , и возвратятъ на казнь: каменные пещеры лишь будутъ ихъ пленницы , въ которыхъ заключаця до часу ихъ наказанія.

Честолюбіе , показуй мнѣ все великолѣпіе величества твоего; богатство предложи мнѣ всѣ сокровища Индіи ; виноградныя лозы, отягощенные пріятными плодами, хвалише мнѣ сладость своего некната , красота представь мнѣ всѣ твои привлекающія пріятности. Я все сіе презираю , когда желаніе бессмертныхъ благъ возбуждаеши въ душѣ моей , и когда на крылѣхъ восхищенія несома , восходишь на небеса , яко Илья на своей огненной колеснице ! Слышать не токмо со страхомъ , но съ усмѣшкою угрозы смерти , съ нестерпѣніемъ ожидать часъ собственнаго своего разрушенія , чувствовать удовольствіе видя разсыпаться прахъ собственнаго своего илья , и пріятнымъ веселіемъ быть обѣату при приближеніи ко гробу : вѣра се есть и воя побѣда : ты все есть на землѣ , проче же ничто ; и я не вѣрю иного во вселенной , какъ токмо душу мою и бoga.

О

О душе моя , покланяйся безпрестанно сему Богу , коего вѣши вари почитаютъ . Послѣдя ли тѣмъ законамъ , которые онъ имъ предписалъ , или удаляясь , ему единствому повинуютъся . По его повелѣніямъ пламя пожирающую свою яростъ укрошаютъ , и жидкія волны вѣшна извердныя превращаються , чудовища , заражающія моря , сіи чудовища алчныя къ крови , которыхъ только жадны на погубленіе другихъ животныхъ , укрошаются по первымъ знакамъ его велѣнія , смягчаютъ дикое свое свойство , и защищники удивленнаго человѣка становятся . Тебя я о Іона вѣснѣ пельсіво призываю , тебя пребывшаго три дни погребенна вѣ глубокихъ нѣдрахъ страшнаго киша , тогда когда нощъ тебя всею ужестю своею окружала , и волнами ярившійся океанъ разѣль по-верхъ главы твоей .

Гремитъ громъ , сверкаютъ молнии , всѣ вѣши отъ узъ ихъ разрѣшенныя , яростны сражаются на поверхности морской : пенящіяся волны до облакъ воздымаемыя дно морскихъ пропастей открываютъ : ужъ смерть прибѣгшая , очевидно является , устращеннымъ плавателямъ , и сии трепещущее око обращая на прежнія свои дѣла , лишаються всея бодрости , неподвижны и безгласны отъ страха становятся , и душа ихъ пораже на ужаснымъ и глубокимъ отчаяніемъ . Но ни слезы , ни молитвы яростъ бури утишить не могутъ . Корабль , бывъ отягощенъ сокровищами ,

вищами , повергають ихъ въ море , и оп-
дають въ корысть раздраженнымъ волнамъ .
Увы ! хотя бы ся жертва могла искупить
ихъ жизнь ! однако между симъ буря уси-
ливается , и корабль уже утопаетъ . . .
Спрахъ смерти всю жалостъ прогоняетъ ,
для спасенія своего хватаютъ пророка и
ввергаютъ его въ море . Онъ снисходитъ
ко дну пропастей морскихъ : вода надъ гла-
вой его смыкается , и становъ онъ почита-
емъ въ числѣ мертвыхъ .

Онъ живъ : обладатель мѣра милосер-
дый взоръ на раба своего обращаетъ , и про-
спираетъ всемогущую свою длань для спа-
сенія его . Повелѣваетъ бурѣ утижнуть , и
водѣ ошверзить тихія своя нѣдра смертно-
му , котораго онъ защищаетъ , и нести его
мягко обѣята своими волнами ; и укрощаетъ
чудовищъ , плавающихъ въ бездѣ : чудовища
съ почтеніемъ удаляются , забываять свою
яростъ при зѣнѣ корысти ихъ , взирающъ
тихо и безъ злобы на сего новаго гостя ,
и вокругъ его невинно играютъ .

Но се новое чудо , гласъ владыки всел-
нной проникаетъ во глубину морей : ве-
ликій Легіаѳанъ , тѣбя онъ призываєтъ : ся
спрашная тварь преклоняетъ въ молчаніи
ухо , и внушаетъ гласъ владыки своего :
веселье блісаетъ въ очахъ его , и тѣло
его скачаетъ по волнамъ , и приводитъ ихъ
въ шоликое движеніе , яко бы сильная буря :
плыветъ , песокъ со дна тронутой , чернишъ

и

и смущаєтъ воду : и раздѣляемыя волны обращаются назадъ спиряями до бреговъ.

Чудовище , отверзаетъ ужасныя свои челюсти , и открываетъ толь пространную пропасть , каковыя видны на поверхности расщерзанная земли , когда въ нѣдрахъ ее заключенный воздухъ усиливается противъ ея трясущія поверхности , и отверзаетъ себѣ пространный изходъ. Пророкъ со ужасомъ виraетъ на мрачную сю глубину , пространную окружность сего зѣва и острые ряды ужасныхъ зубовъ его обозрѣваещъ. На конецъ вселяется въ страшное сіе убѣжище , и плыветъ безопасно въ семъ одушевленномъ кораблѣ.

Единый онъ изъ смертныхъ чувствовалъ недовѣдомое никому иному удовольствие , пребывая самъ подъ волнами , безъ опасности слышать шумящіе вѣтры , пребывашь неподвижнымъ на верху сихъ жидкіхъ горъ , и пошомъ снисходишь въ такія воды , кошорыя бывъ отдалены отъ ярості бурь , всегда спокойны и не подвижны пребывающіе. Единъ онъ проникъ до подземныхъ основаній , на коихъ утверждаются холмы океана , и въ мрачныя пещеры наклоненныхъ его камней. Духъ его въ немъ пребывалъ въ тѣхъ мѣстахъ , ко торыя никогда измѣримы не бывали , и жизнью спранспировалъ онъ въ пустынной Имперіи смерти.

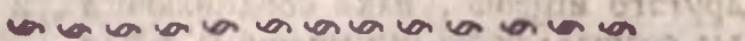
Два дни и двѣ нощи сю чудесную жизнь онъ препровождалъ , спранспивя по

средѣ

средѣ густыхъ дубровъ коралей , и по сре-
дѣ незнаемыхъ переплещенныхъ путей ме-
жду камней и песковъ. Но лишь покмо
лучи преплія зари позлатили холмы , и по-
сребрили волны , царь морей поднимается
на поверхность водъ , и тихо полагаешь на
брегъ слабаю , но священчаго гостя , ко-
могаго ему превѣчный вѣрилъ , да здраво
его возвратишъ.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Ожидаемъ , что мертвые восстанутъ изъ
праха . и что мы будемъ безсмертны ,
яко боги .

Фон.

Нынѣ человѣкъ пробуждается , воспаетъ
съ молчаливаго своего ложа , на коемъ
въ теплении многихъ вѣковъ покоялся ; оши-
рясаешь сонъ десятитысячелѣнія нощи ,
и идешь по брегамъ новаго мѣра . Не та-
кова есть моя муз , что бы ей сократить-
ся пѣть пастырей и монарховъ , она вдаст-
ся быстрому своему восхищенію , и осмѣ-
лив-

ливається вступити въ пространную вѣчностъ. Причина моя вселеную вмѣщаетъ, и пѣснь моя касается до всего рода человѣческаго.

Вторично труба возглашаетъ ! Съ знакъ всеобщаго собранія всѣхъ имѣющихъ духъ живопытный гвардей. Поле гдѣ должны всѣ земныя племена собираясь, изготовано сильными вихрями, повергающими и уносящими въ пропасти града, лѣса и горы и неоспавляющими иного окромѣ немѣримаго и гладкаго пространства.

Уже разверзаются гробницы, и залогъ свой возвращаютъ, практъ оживотворяется, кости и разные члены движутся, единъ другаго ищетъ, паки соединяются, и цѣлы составляютъ безсмертный шѣла.

Тогда какъ покоренная вселенная преклоняла главу свою подъ законы гордаго Рима, Римъ повиновался Помпею. Единый день потерянный былъ причина погибели сего власинщеля земли, и учинилъ его причиною превѣнія, и жалости предъ очами самаго его врага. Онъ былъ жертвою падшою отъ ударовъ измѣнника, кровь его обагрила ножъ подлаго убийца, и безъ наказанія пролилася. О естьли бы онъ по крайней мѣрѣ испустилъ великую свою душу по средѣ ужасей бою ! Естьли бы смущные вопли умирающихъ смѣшанные со звукомъ военные трубы, сошествовали съ послѣдними вздохами ирод, и здѣлали бы почестъ его

его кончинѣ ! но онѣ погибѣ безъ славы , и безъ мѣщенія ; тогда какъ Цесарь обраѣша-
етъ суровый взорѣ на того изверга , ко-
тораго окровавленная рука , подавая ему гла-
ву его соперника , вручила ему владычество
вселенныя , трупъ того окровавленнаго пребы-
валъ оспавленный на брегу . Сія глава и
сей трупъ безобразный паки соединяется ,
такое бы ни было пространство царствъ
и морей , кои порые ихъ раздѣляють . Не
останется ни единаго атома на землѣ , ни
въ пространствѣ воздуха , кои порыи бы отъ
сего всемогущаго повелѣнія не оживилъ , и
не возобновилъ бы движеніе и жизнь .

Тако въ лѣтній день , видѣнѣ рой шу-
мящихъ пчелъ , единая схвачася за другую
въ воздухѣ играть , немогши остановить
свое непоспособство ; но когда бренчащая
мѣдь зачнетъ отзываться , тогда звукомъ
симвъ прельстяся , странствованіе свое пре-
кращаютъ , клубкомъ свиваются на бли-
жайшемъ древѣ , и пріятно повисаютъ на
его вѣтвяхъ .

Тогда какъ тѣла возобновятся , душа ,
которая можетъ статься странствовала во
кругѣ полуса , или удивленная путешество-
вала среди пламенящихся свѣтиль , или не
отступала отъ того мѣста , гдѣ опочива-
етъ ее тѣло , или гуляла уже на грани-
цахъ вѣчнаго своего жилища , поколеблема
страхомъ и желаніемъ во ожиданіи своей
судьбы , душа тогда вѣрна своему со-

дненю , возвратившися сопрягнувшись со обезсмертленнымъ своимъ прахомъ , и соединившися съ нимъ тако , чтобы во вѣки уже не разлучаться . Она уже не страшится , что бы такъ какъ прежде жизнь ея отъ нее убѣгала ; ибо уже не есть составъ скудельный и слабый ; новые ее члены , которые время не можетъ испребить , будущъ опять сего времени на вѣчность движеніямъ ея способствоватъ .

Подобнымъ образомъ отъ разума строителя скудельное изображеніе получаетъ мимоходящий видъ зданія имъ вымыщенаго ; прежде нежели сіе первое начертаніе увеличившись учинитъ великолѣпнымъ домомъ , коего сполы изъ крѣпкаго дубу и жестокаго мрамору возвышеные , утвѣрждающіе основаніе ; прежде нежель желѣзо и мѣдь сильными ихъ узами сопрягнутъ вмѣстѣ все сіе зданіе , обѣщаю его защищать отъ вреда каковой шеченіе многихъ вѣковъ причинить ему можетъ .

Нынѣ сіе древнєе и священное зданіе , сей славный сводъ , подъ коимъ скоро или поздо отнесутся изъ нѣдра двора , или съ полей побоища всѣ Аглинскіе ирои ; какое бы ни было ихъ величество , ихъ мудрость или ихъ добродѣтель , но здѣсь они жертвою червей учинятся ; сіе торжественное жилищеувѣнчанныхъ мертвцевъ , гдѣ поданные ногами своими попираютъ монарховъ ~~котищающи~~ подъ помостіемъ , узриши много-

многочисленное собраніе царей , и ироевъ возникнуши изъ среди его , и наполнить пространную его окружность . Но здѣсь уже не мечь побѣдоносные вѣнцы и скипетры пріобрѣтаешъ , но добродѣтель ; и топъ изъ смертныхъ , кто добродѣтельне былъ , величественнѣе воскреснешь

И не покрою изъ мѣстъ погребательныхъ , и изъ нѣдръ гробницъ , выидевъ толпа рода человѣческаго ; но изъ самой средины основаній , на которыхъ великолѣпныя наши дома утверждаются , изъ всѣхъ сихъ пріянныхъ мѣстъ забавамъ нашимъ и веселіямъ посвященныхъ , восстанешъ мнѣ го- численный народъ нашихъ предковъ , коихъ попираемые ногами кости были основаніемъ сласилюбія ихъ потомковъ . Нѣспѣ почки на шарѣ земномъ , гдѣ бѣ не было гробницы , и песокъ , сочниѧщий дно морское , покрытъ трупами . Все наполнено , все покрыто развалинами человѣческаго естества , и въ сей страшный день повсюду узрѧти родъ человѣческий воспнающи и выходящій толпами изъ своихъ пламеняющихся гробовъ .

Но не всѣ восстанутъ въ единое время , и не всѣ при восстаніи своею одинакія чувствіи будутъ имѣть . Нѣкошорые съ раскаяніемъ отверзя свое око , будутъ устращены свѣтлостю дня , по гробницамъ своимъ почувствують сожалѣніе , и возжелаютъ въ прежнюю мрачность нощи погрузившия . Другія , коихъ долговремяно ис-

пытавшая добродушель , и всегда бывъ не-
поколебима , побѣдила пороки и сильныи
удары страстией , коихъ постоянная воля
не уступила прельсции гельнымъ обманомъ
роскоши , ниже преклонилась предъ угрозами
мучителей , безъ препету возвратъ на сей
ужасный день , и явившися яко боги неподвер-
женные къ пронзеню посредъ ужасныхъ и
умноженныхъ молний ; ни падающія звѣзды ,
ни прасущаяся на основаніяхъ своихъ зе-
мля не поколеблющъ спокойствія ихъ душъ .
Си съ спокойнымъ духомъ узрать разу-
шающуюся землю , падающія небеса , оп-
ровергающіяся бездны , и все естество на ра-
зореніе вооруженное ; си благословяющъ ден-
ницу сего иревѣчнаго дня , и съ трудомъ
лишь попирать продолженіе , упоздываю-
щее ихъ блаженство .

Здѣшніе величество унижено , сила ослаблена , ницкій торжествуетъ , красота сама себя ужасаетъ , и лицо свое сокѣвашъ . Христіане , Евреи , Магометане и азычники , всѣ безъ разбору смѣшены въ еди-
ное стадо , и можетъ спаться такіе люди ,
кои по бесновѣрному усердію вооружались
для утвержденія своихъ мышнія , и кои опѣ-
взаимственно другъ другу налагаемыхъ ранъ
въ ненависти жизни свою скончали , друзья-
ми возстали , и схватившись руками идутъ
предъ общаго Творца своего предстать , про-
сить его о единаковомъ блаженствѣ .

Но чистая надежда, и непорочное веселье особливо будут для благодушелей рода человеческаго. И кто суть си, коихъ я вижу особливо блестящихъ въ сей величественной толпѣ? Пади на землю муга, и признашъ твоимъ воздаждь людямъ добродушельнымъ дань твого почтенія, за дары коими ты гордишься; ты ими еси одолжена. Виламъ, Фоксъ, Киклей, я вамъ покланяюсь почтенные имена, коихъ слава будетъ блестать въ наиотдаленнѣйшія вѣки. Я первые звуки лиры моей трепещущими своими перстами извлекалъ, подъ шинью древесъ руками вашими на сажденныхъ, и возвѣщихъ хрусталию подобныхъ кладягей, которые вами ископаны были. Слава ваша состояла учинить себѣ одолженными владыкъ ощества моего, тѣмъ что приобрѣтали блаженство ихъ народовъ. Нынѣ возвастаете бессмертны вѣ щасливѣйшую жизнь.

И я пребываю многіе лѣта менѣе нежели червакъ, атомъ или тѣнь, не ложно то есть, буду жить тогда, когда всѣ си свѣшила угаснуть? переживу землю, которая тогда вѣничто будетъ обращена, и Ангеламъ уподоблюся. Предстоитъ престолу всевышняго, узрю волею его рождающіеся новые міры, вѣ коихъ можешь сѣяться будущъ рассказывать о приключенияхъ рода человеческаго.

Но прежде нежели начнется сіе блаженство, прежде нежели душа возвысится до

сихъ вѣчныхъ селеній, среди блестаній молнии снизойдеть Судія, и всѣ роды человѣческие предстанутъ предъ его судище.

Предплемлю описать сіе симѣлѣ изображеніе, Великая Государыня! которой я повинуюсь, преклони ко вниманию ухо Твое, не способенъ я употребляющъ помощь искусства для плавленія вниманія и поколебанія сердецъ; бѣгуще далеко отсюда всѣ вымыслы, и всѣ сіи чудесныя изобрѣтенныя геши, приводящія мысль во удивленіе. Зри, если сей богъ снисходящій, есТЬ бѣ баснословный: онъ есТЬ испанский богъ: при приближеніи коего неисцѣпнное число мровъ пребывающіе въ молчаніи и во ожиданіи

Зри проспранное вмѣстѣ илище позорища, гдѣ весь родъ человѣческій услышитъ судное себѣ слово: оно окружено бессмертными духами хранящими его. Разные роды приходящіе яко волны зашумѣвашися въ семъ неизмѣримомъ полѣ. Всѣ вѣки, всѣ имперіи свѣта изливающіе туда своихъ жителей: не оспаются болѣе и слѣдовъ сей цѣпи вѣковъ разѣляющихъ времена рожденія монархій. Невродѣ и бурбонѣ въ полѣ смѣшиваются, и Адамъ зришъ предъ собою послѣднегороднаго изъ своихъ потомковъ.

О колѣ щеще наука и искусство, когда они кѣ подкрепленію добродѣтели не служатъ! Колико потеряно времени, колико книгъ учеными сочинено для утвержденія дна рожденія ирод, и для исчисле-
нія

нід его потомства ! Коликую же радость и коликое удовольствие до жны они почувствовашь , когда послѣдствіе знаныхъ людей первыхъ вѣковъ свѣща , откроется ихъ очамъ ? увы , всѣ си ученые будуть тогда важнѣйшею причиною упражнены , и еслили самъ десарь пройдетъ предъ ними , очи не помыслишь поднять очи , чио бы на него взглянушь .

Какое мнѣочисленное стеченіе , волны разбивающіяся обѣоззывающіяся бѣга , тѣя- сущіе я листівіе въ поколеблемыхъ вѣтромъ лѣсахъ , звѣзды блісшающія въ небесахъ не суть толико многочисленны . Всѣ си страшныя воинства , коихъ присудствіе въ пражѣ Импераціи повергало , и онѣ коихъ другіе рожда- лись , и коихъ заднѣе полки еще шествовали во время ночнаго мраку , когда передніе уже на мѣстѣ побоища при свѣтлости зари сра- жались : сей народъ воиновъ , которыхъ могу- щій Ксерксъ влекъ за себѣ ю ; всѣ воины , ко- торые вѣ Капуанскихъ поляхъ сражались , путь гдѣ побѣдоносный Римъ принужденъ былъ уступить побѣду Карѳагенѣ , и толь глубокую почувствовалъ язву , чио бы другая подобная сей язва , пресѣкла бѣгъ его судебъ , и лишила бы свѣтлѣйшей монархіи ; всѣ си и еще шѣ , которыє напол- няли славные блейнгеймскія и Риммілійскія поля , будуть вѣ семѣ мѣстѣ обѣзпачиться , коихъ толпа сокроется и учинитъ нечу- ствительной вѣ полѣ всѣхъ людей пред-

ставшихъ тутъ , такъ какъ единая волна
шеряется въ неизмѣримомъ Океанѣ.

„Сыны человѣческіе изготоуше къ суд-
и, бишу, вопиетъ гласъ , воздухъ ударяющій.
Земля вновь попрясается , и слышу адскія
пещеры опаивающія во глубочайшихъ про-
пасніяхъ своихъ.

О ты , кто бы ни былъ , бывшій силь-
ный единовласіицель на земли , родившій-
ся подъ наищасливѣйшею звѣздою , ни когда
не препоясующій мечъ свой съ беззаспли-
вымъ успѣхомъ , который соединялъ великое
число царствъ подъ свою державу ; ты , ко-
торый во дни твоихъ торжествъ излаго-
валъ , да царствуетъ , есъпли хощенъ все-
сильный на небесахъ ; ся вселенна есъпли моя
держава ; трепещи въ сей часъ , вовведи свои
очи . . . О муза моя , какое смущеніе
тебя колеблетъ ! какія числы , какую мѣ-
ру стихамъ своимъ ты изберешь .

Вдругъ червленныя волны воспламеня-
ютъ небеса ; въ слѣдующее же мгновеніо
ся огненная звѣзда опроверзается , и показу-
ешъ во отдаленіи сего Бога , который бывъ
невидимъ владычествуетъ надъ мірами .
Онъ управляетъ природу , еди-
нымъ своимъ взглядомъ проникаетъ , и обѣ-
емлѣтъ всѣ свои дѣянія , сокворяетъ , со-
храняетъ и разрушаешъ все : изъ сей отда-
ленности зришъ на насъ яко червей пресмыкаю-
щихся до сему среди воздуха висящему
шару .

Иль

Изъ глубины сего священнаго мѣста
врю исходяща сына превѣчнаго. Небеса !
Какія источники бліспанія удараюшъ и ос-
лѣпляюшъ мои очи ! Онь несомъ на плава-
ющемъ на облакахъ престолѣ ; величесиенъ
его видъ , яко былъ въ то мгновеніе , когда
вселенну сотворилъ , и спрашень яко въ
шошъ часъ , когда бунтующаго ангела во
адскія пропасти низвергнуль съ небеси. Изъ
звѣздъ сотканный поясъ окружаетъ его бе-
дра : ношъ на ресницахъ его почиває , и
лице его имѣє блиспаніе зарницы. Еслъ
ли онъ обращаетъ на человѣка тихій и ми-
лосердый взоръ , тогда человѣкъ ожидаетъ
или получає блаженство ; но когда пла-
меняющіеся его очи огнь гнѣва его испуска-
ють , тогда злочаспіе и погибель насть ис-
стигаетъ. Въ шуицѣ своей онъ держитъ
бліспательную книгу всевѣденія ; а де-
сницею своею пошрясаетъ пламеняющейся
мечъ своего правосудія.

Въ такомъ видѣ приближается по небе-
сному пространству среди громовъ и мол-
ний , властитель надъ живыю и смертю ,
полки ангеловъ , уставленные бліспатель-
ными рядами ему предшествующи , и чуде-
сныя согласиенія славу его воспѣвающи. Сниз-
шедъ до высоты звѣздъ оспанавливается :
тушъ всѣ собранные облака поднимаютъ и
въ круглость собираются , на подобіе дву-
столповъ златомъ и багряицею испещрен-
ныхъ. Единый утверждается на землѣ ,
другой

другой становитсѧ на водахъ, и поднявшиесѧ отъ тягости сеѧ волны обѣливаютъ своею пѣною его пространное основаніе. Они поддерживаютъ сѣдалище на коемъ сидитъ Господь, судиши вселенную. Превыше сего хрустального свода видимы развѣвающиесѧ завѣсы чистѣйшія небесныя голубости, и яко играя во кругѣ столповъ сихъ обвиваються. Смерть во узы заключенна подъ симъ судищемъ сидитъ на оспашкахъ разрушенаго своего меча.

Се здѣ превѣтный Судія взошедъ на свой престолъ, являетсѧ во всей славѣ божества: одѣжда испещренна чудно уставленными лученосными завѣдами; и блиснющій шаѣ солнца горитъ подъ его спопами.

Тогда лученосный Архангелъ, развертывающи сѣ серебренаго древка знаменіе вѣры, коопоре развѣваясь закрываешь и открываешь половину небеснаго пространства.

О спрашная слава, коюкой великолѣпие очи виновнаго шерзаешь! Остановись, неосторожная музъ, не открывай ужасныя мысли, кои орыя вѣ сердцахъ превратныхъ рождаються. Спрашуся изрещи, что они желаютъ, дабы все сіе видѣніе единственно было сою, чѣмъ бѣ души ихъ погибли съ ихъ пѣлами, и что бы Богъ былъ лишенъ владычества надъ вселеною. Изглаголь лучше, естьли тебѣ известно, какими способами можно достигнуть, что бѣ почувствовашъ неудобнѣ изречимую радость, зра сіе странно-

ное позорище ; для сего единий способъ есть искреннее раскаяніе строгія совѣсти , не умѣющій себѣ прощать свои пороки ? Нѣсть другого способу окромѣ слезъ раскаянія , трудовъ , бѣднія , и святаго насилия молитвою ? Тако въ сей часъ , возбужденъ усердіемъ неизвѣстнымъ прежде душѣ моей , сердце мое къ спопамъ превѣтнаго полагаю , посвящаю его ему въ семъ великолѣпномъ храмѣ , коего небеса сочиняютъ окруженіе , и который еще не довольно пространенъ для величества живущаго въ немъ.

О пы , коего вѣсы извѣшивають горы , коего дыханіе можетъ премѣнить водный Океанъ во Океанъ пламенныи , и влажные его волны въ волны горящія ; слабѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ , пропещущій , преклоняя колѣна припадаетъ къ твоимъ спопамъ , и милосердія твоего проситъ. Повели , да вѣтры унесутъ и погребутъ мои грѣхи , и все прошедшее въ безднахъ забвенія. Учини , да ежечасно я буду зѣть твое могущество и мою слабость , и вся бы душа моя тебѣ была посвященна. Царствуй надъ волею мою , возбуждай и успокоеяй по изволенію твоему мои страсті. Естьли когда почувствую воспаленіе гнѣва , учини да злоба моя падетъ на мои пороки. Учини , да сердце мое воспламенится желаніемъ помогать нещастному , и подѣльть тягости бремени утѣсняющаго его душу. Учини , чтобъ

чтобъ книга, въ которой премудрость твоя
начерпала твои наставленія, всегда бы предъ
очами моими отверста была, и разумъ бы
мой ни когда не уставалъ читати въ ней.
Кто есть сей, который ежегодно весну
цвѣтами, яко младую пастушку украса-
ешь, и повелѣваешь лѣту прѣти послѣ
яко невѣстѣ выходящей отъ брачнаго ея ло-
жа? Кто есть сей, который производиша
плоды во время осени, и даетъ власинъ зи-
мѣ лишишь толъ ея украшеній? Нѣсть се,
нѣсть властитель Имперіи Отоманской,
ни Царь Сѣверный, иже есть болѣе того, ни
сія Царица, которая изъ нѣдрѣ нашего ос-
трова даетъ миръ или войну Европѣ.

О колико зреѣ природы возводилю-
ютъ въ душѣ моей на памятиваніе ея Твор-
ца? Внушаю ли я ревѣніе Океана, или гре-
меніе грома, о колико чувствую я полезнѣй
с прахѣ, возбуждающій въ моемъ сердцѣ
оіѣ страху его мщенія! Когда же зрю зе-
млю украшающуюся цвѣтами, или звѣзды
блестящія сиѣ помѣ, о душа моя, нико-
гда не забывай воздать ему благодарности.

Во всѣхъ разныхъ поемненіяхъ жизни,
средѣ веселій изобильства или огорченій ни-
щеты, да будеиѣ слава твоя послѣдній
предѣлъ моихъ мыслей, и конецъ моихъ
дѣяній. Военчый ли мечъ блестаетъ въ на-
шихъ дланяхъ; или въ мѣрномъ покоѣ во-
снѣваемъ подъ иѣнію вѣтвистыхъ нашихъ ви-
ноградовъ, тебѣ единому должна принад-
лежашъ

длѣжать слава нашихъ побѣдъ, и благодар-
ность богатыхъ нашихъ жашвъ; ты еси
сей, коего власпю созрѣвають или увядан-
іи виноградные кисипи, волею твою на-
прагаєтъ лукъ и излѣтаютъ спѣбы, и
твою побѣдоносныя наши воинства преходятъ
пространныя моря, и скіпетръ сѣвера на-
шей Царуцѣ Албіонской вручаютъ.

Да воспавая вмѣстѣ съ денницею съ ло-
жа моего, начну молитвою тебѣ и посвящу-
ти рождающійся день: и да воспрянувъ ду-
ша моя отъ сна воспоешъ хвалу твою, и
по степенямъ да возвысится къ небесамъ
купно со освящающимъ насъ свѣтиломъ; и
что по мѣрѣ какъ оно пропекаетъ пламеня-
ющійся свой кругъ, да сердце мое воспламе-
няется огнемъ твоей любви, и да колѣно
преклоненія моя не окончатся, и тогда ко-
гда оно отъ глазъ нашихъ сокрывается.

Позволь да и нощъ мнѣ величество тво
показуетъ, когда она распроспираетъ ве-
ликолѣпную и мрачную свою завѣсу, за-
крывающую свѣтъ; когда молчаливые ея
свѣтица восходя надъ главы наши, прела-
гаютъ душѣ тихую свѣтлость, и въ блѣд-
нѣйшемъ свѣтѣ природу намъ показываютъ.
О колико тогда смущеніе воображеній ути-
шается! О колико тогда смягченная ду-
ша чувствуетъ себя пронзенную прѣятными
движеніями добродѣтели! Коль великое и
пѣяное сие упражненіе есть слѣдоватъ пе-
ченю сего вѣдоноснаго свода, и дости-
гнувшъ

гнушъ даже до жилища властителя дня , удивляясь окружашему его величеству , изголовляясь милости его получить , и съ сей высоты обращашь свой взоръ на погруженную въ сонъ в еленну .

Не сей ли ты , иже можешь разрушить основанія вселенныя ? да употребится днесъ могущество твое , бунтующую мою волю обуздать . Ты , иже можешь обуздать яростъ волнъ , утишь восхищенія и смущенія моихъ чувствъ ; научи мя пошавлять всегда равную твердость противу прелестей забавъ , и ударовъ нещастія . Ты еси всегдашняя причина желаній моихъ ; сохрани въ сердцѣ моемъ священный огнь вѣры ; содержи его надеждою , и да досшигнешъ сно получить ѹѣну , которую рука твоя скрыла въ нѣдрахъ вѣчности . Учини да въ великий день воздаянія , узю безъ спаху отверзающуюся запечатлѣнную книгу , и да бывъ вознесенъ въ жилище блаженства , сообщу со Ангельскимъ лицомъ благодарственный свой гласъ .

С Т Р А Ш Н Ы Й С У ДЪ
Г О С П О Д И Н А Ю Н Г А ,
съ перевода
Г. А Б Б А Т А А Л Б Е Р Т И
съ А г л и н с к а г о на И ш а л ю н с к и й
языкъ.

С Т Р А Ш Н Ы Й С У Д Ъ.

ПѢСНЬ ТРЕТИЯ.

Esse quoque in satis reminiscitur affore tempus
Quo mare, quo tellus, correptaque regia Cœli
Ardeat, et mundi moles operosa laboret.

ОVID, met:

Отвѣрстіе книги судебнъ, блистательное
жилище Ангеловъ и добрѣтельныхъ
человѣкъ; ужасный рокъ грѣшниковъ, и
спрашное жилище мученій и золъ, днесъ
пѣти начинаю. Си суть послѣднія и вели-
чайшія усилія моей музы. Се нынѣ случай,
которымъ должна она возвыситься до вы-
сочайшія степени своея славы, или на все-
гда во мракѣ забвения оспасться. Но она
возбуждается, воспламеняется, бывъ близъ
края своего печенія, и возвносишися превы-
ше

ше звѣздистаго полуса. Вѣ быстромѣѣ сво-
емъ теченіи она зришь вселенну уменшаю-
щуюся, солнце удаляющееся и затмѣвающе-
ся предъ нею. Око ея пораженное новою сѣ-
шлоспію небесъ, сѣ трудомѣѣ сноситъ сїе
бліспаніе; слышшии радостные пѣсни Ар-
хангеловъ, коихъ цѣлая природа повторя-
етъ и продолжаетъ звуки.

Се десѧть тысящъ трубъ вмѣстѣ во-
струбѣли: се настало глубокое и простран-
ное молчаніе. Ангели и человѣки пребыва-
ютъ нѣмы и не подвижны. Надъ ними во-
звышенный спрашный судія, вокругъ себя
взорѣ свой обращаетъ, и небеса величе-
ствомъ славы его исполняются; тогда онъ
возлагаетъ длань на спрашную книгу, держимую стоящими предъ нимъ Серафимами:
и вѣ тотъ часъ, какъ отверзаетъ печать,
слышно всеобщее спенаніе. О душа моя!
ко благими ли ты будеши.

Онъ повелѣвааетъ, и толпа человѣкъ бы-
стро вѣ двѣ часини раздѣляется. Зри ошу-
юю коликое отчаяніе и какая ужасная блѣ-
дность видѣ образа ихъ разрушаепъ: тушъ
есиѣ нѣчто спрашнѣе, нежели самая
смерть начертанная на трясущихся ихъ чле-
нахъ. Зри сѣ коликимъ огорченіемъ, сѣ коли-
кимъ трепетаніемъ страха вѣ груди свои уда-
ряюпъ и отвращаютъ взорѣ свой. Очи ихъ,
непорядочно движущіися, и страшно обра-
щающіися, открываюпъ внутреннія муче-
нія

нія души ихъ : горестъ ихъ видна въ каждомъ ихъ прѣлодвиженіи , и въ каждомъ взглядѣ ; и часто они вздохи извѣяляющія ихъ отчаяніе испускаютъ. Читатель! ешь-ли ты еси грѣшникъ , избавь мою музу сего печального изображенія : ты въ сердцѣ своемъ его обрѣшь.

Ешь-ли бы ты узрѣлъ твоего родителя , брата , сю супругу , которая тебѣ была толь любезна , и всѣхъ соиповарицей твоей жизни , которые участвовали съ тобою во всѣхъ твоихъ дѣлахъ , и имѣли единые желанія и единое сердце съ тобою , навсегда отъ тебя отлученныхыхъ , а ты бы единый въ нещастіи осіпался ; увы ! какой достойной отчаянія сей случай для тебя быль бы ! Чего бы ты не далъ тогда , что бы еще имѣть единый день жизни , единый изъ сихъ часовъ , единую изъ сихъ минутъ , дабы ипо возвратить и копорая со временемъ протекла ? Нѣтъ , надѣйся возмочь отвратить приливъ Океана , осіановиши вихорь , и солнце въ его течении ; но не надѣйся возвратить сея ми-нупы.

Возри на десную спрану , коль пріяп-нья лица ! О коль образъ Творца живо въ ихъ омладѣвшихъ чертахъ изображается , коль очи ихъ блестятъ бессмертною свѣтлостью ! Колико побѣдоносный естъ ихъ видъ ! благородные и гордые ихъ взгляды осмѣливаются прямо обращаться на сѣдалище су-дебное , идѣже сидитъ спрашный судія , и

зрѣть грозные взоры его гнѣва. О слава праведныхъ! Сѣ ли сущь шѣ человѣческіе виды, которые вѣ прахъ были превращены? но еще видно на ихъ лицахъ нѣкоторые легкѣе знаки смущенія и страха, уменшающіе ихъ радость.

Тако юная дѣва, когда священникъ приближается, да соединитъ ее со обрученнымъ ей, взираетъ еще на свое щастіе, беспокойнымъ и смущеннымъ окомъ: сердце внутрь груди ея трепещетъ; не подлинность, и множество разныхъ мыслей ее вѣ смущеніи содержатъ. Беспокойство и веселіе смѣшиваются на румяныхъ ея ланиахъ: она трепещетъ отъ страха, чтобъ какое нечаянное приключение не лишило ее щастія, которое близко ей наспомнило, и не премѣнило бы вѣ жестокую печаль пріятную ея надежду.

Се нынѣ родъ Адамовъ оиѣ первого до послѣдняго изъ его сыновъ, ешь соединенъ вѣ двѣ разныя части, безъ всякаго другаго отличія, окромѣ грѣха и добродѣтели; о вы, которые препровождаете вѣ тяжкихъ трудахъ свою жизнь, да славными себя учините, возведите очи и размыслите о величествѣ славы свѣща, зрите, и ищите слѣдовъ человѣческія славы, и всѣхъ тѣхъ отличныхъ толико похваляемыхъ дѣлъ, которыми наполнены исторіи свѣща. Тѣ, кои основали нѣкоторыя вѣры и законы, кои про-

пробрѣли или уступили престолы, кои дали свои имена народамъ, знанныя царства подъ власть свою присоединили, засыпали долины, сравняли горы, предписали южкамъ путь течения ихъ, покорили Океанъ ихъ побѣдоноснымъ морскимъ силамъ. Всѣ сіи сушь здѣсь смутны, и безъ всякаго различія. И сія есь испинна, долженствующая бы изваянна быть въ царскихъ чертогахъ.

Сей часъ, на который Всемогущій отъ начала всея вѣчности имѣетъ очи обращенны, который опредѣлилъ сотвореніе вселенныя, и всѣ приключенія міра, когда рука его блага ли, или бѣдствія изливаша; когда онъ премѣнялъ, испроблялъ, или сохранялъ; когда онъ низвергая восшочные и полуденные престолы, давалъ западу или сѣверу Имперію сѣвера; сей спрашный часъ нынѣ насталъ.

Превыше, жилище блаженныхъ является во всемъ свѣтѣ блистаниемъ: сія свѣтлость еще блистательнѣе, нежели свѣтлостишія шого дня, когда врата небесныя растворились сыну превѣтнаго, когда онъ изъ шемнаго царства ноши побѣдоносенъ возвращался, и побѣды знаменіе носящій, проходя сквозь воздушныя предѣлы, Ангельскими ликами, яко побѣдоносецъ похваляемъ быль.

Внизу жилище ужести и страха видно, гдѣ тьма пьмою умножается, и тьма

тьму покрываетъ , гдѣ болѣзни плодоносны становятся , и единая другой неизгѣтными числомъ послѣдуютъ . Въ срединѣ тутъ пространное и глубокое море кипящія сѣры , коего пламеняющія волны поднимаются , да поглотятъ и пожрутъ свою корысть . При толь страшномъ видѣніи , и избранные и въ нѣдрахъ самаго блаженства не могутъ воздержаться , чибо не почувствоватъ нѣкоего страха , и трепещущи шолпою окружаютъ престолъ превѣчнаго .

Такое есть дѣйствіе , которое должно окончить надежды и страхи смертныхъ , да продолжитъ сіе начертаніе и тоѣ , кѣо осмыслилъся на сіе . . . чиже до меня , перо дрожитъ въ моихъ рукахъ , страхъ обвѣмлетъ мои чувства ; и вселенна въ очахъ моихъ разрушаєтся . О страхъ ! се вижду , се вижду , превѣчнаго судю гибніемъ окомъ взирающа : всѣ пріуготовленія иѣчныхъ мученій очамъ моимъ предстають . Не могу сперѣтъ сего зрѣнія ; омлѣваю : кровь моя хладѣя останавливается : душа моя готова оставить свое тѣло , и единое изображеніе сихъ мученій меня умѣщавляется .

„Увы ! какая немилосердая рука , возопѣтъ преступникъ : „разрѣшила преграды „гроба , гдѣ я упокоевался ? о злобная „смерть , ты лишь мнѣ временное убѣжіе давала ; ты удерживала меня нѣсколько „ко

„ко времени въ своихъ нѣдрахъ , лишь для
 „того , чтобы предать меня гибели бога
 „мстителя. Отягченъ узами во пламени ,
 „мнѣ оставленъ гласъ , скромно для испу-
 „щенія болѣзненныхъ моихъ волей : горя-
 „щіе мои очи уже не увидятъ иныхъ свѣ-
 „тлости , окромѣ мрачныхъ свѣтлости огня
 „мя пожирающаго.

„Всѣ сіи дарованія , которыми небо
 „меня снабдило для блаженства моего ,
 „чувствія , разсудокъ , память , вооружи-
 „лися на мя , врагами моими учинилися ,
 „и соединяющія мучили меня. Тако буду
 „естествовать лишь скромно для терпѣнія !
 „Никакого покою , никакого облегченія ;
 „никакой лѣчѣ надежды ни изъ коихъ
 „мѣстъ небесъ не блеснетъ моимъ очамъ !
 „развѣ не царствуетъ уже сей милосердый
 „богъ ?

„Ни когда ! ни когда ! . . . Острапа-
 „шный звукъ словъ , повергающій мысль въ
 „неимѣющію дна пропасть ! Есѧли бы
 „я не родился , то не былъ бы злочаст-
 „ливъ. Чего ради не былъ я оставленъ для
 „пріумноженія числа нечестивельныхъ
 „тварей ? Чего ради я не былъ текущая
 „въ ручью вода , иль сельный цвѣтъ ? Ми-
 „лосердый Боже , чого ради было меня во-
 „збуждать изъ пѣмы и праха , идѣже я
 „покоился , дабы свѣтлостию меня нака-
 „зать ? Чого ради было сочинить наѣ бре-
 „, нѣ

„ нія образъ по подобю твоему , давъ ему
 „ при томъ токмо жизнь исполненную го-
 „ рести и болѣзней ? Сконы безсловесные
 „ щастливѣе суть наст . Они разждаются ,
 „ живущъ и усыпающъ въ покойной смерти .
 „ Единый лишь человѣкъ подверженъ нака-
 „ заніямъ .

„ О боже ! возможенъ ли ты изѣв
 „ нѣдрѣ совершенного блаженства , зреѣть
 „ мя погруженна въ сю бездну , и безъ жа-
 „ лости вниматъ гласъ мой , когда изѣв сре-
 „ дины сего пламенящаго моря отцомъ тя
 „ именую ; или ропщу на власть твою ? вѣ
 „ томъ ли ты поставляешь твою славу ,
 „ чиобъ видѣть прериящаго мя ? Еспѣли
 „ угодно шебѣ мщеніе свое исполнить ,
 „ прѣими твои громовые стрѣлы , ударъ ими
 „ по вселенной , и свѣтъ ими разруши , но
 „ не соединяй всю твою власть противу не-
 „ щастныхъ пылинки еспесища : осипавъ ме-
 „ ня вѣ забвеніи : позволь да погибну вѣ тво-
 „ ей низмѣримости ; иль дай мнѣ впорично
 „ чашу смертную вкусить . Все сѣе ужъ
 „ поздо , нѣснъ уже никакія надежды для
 „ нещастныхъ , и они безъ отдохновенія бу-
 „ душъ сносить всю тягость мщенія разгнѣ-
 „ вленаго бoga .

Однако между симъ временемъ , ща-
 стливые бессмертные идутъ побѣдоносны
 вѣ блаженный мѣста селеній ихъ , прѣяти
 ить самые престолы , кошорые вабунцовав-
 шимися

шимися Ангелами празны оставлены были.

Да окончитъ кто другой смѣлое изображеніе , которое я токмо начерталъ ; я же чуствую умаляющія мои силы , духъ мой съ высоты , куды былъ восхищенъ , нисходитъ : изберемъ нынѣ причину не толь великую , но еще достойную нашихъ пѣсней. Хощу днесъ описать вселенну пламенемъ пожираемую , и разрушенія стихій.

Страшный часъ наступилъ , и природа отъ ужасу трепещеетъ зря конецъ свой приближается. Сильные громовые удары дають сему печальный знакъ. Тысяща молний на землю устремляются , и шаръ ее запаляютъ ; густыя облака на воздухъ поднимаются , и его запимѣваютъ ; а тогда же блестящій пламень среди колеблющагося и волнамъ подобнаго дыма въ темнотѣ онаго браздами является : а небо его багряное блестаніе отсвѣтаетъ. Съ четырехъ часій свѣта , четыре Ангела безсмертныи ихъ дыханіемъ дышатъ сильные вѣтры. Запаленіе умножается , пламя разпространяется ; умножившися волны колеблются , и наполняютъ атмосферу. Здѣ пламень вихрями выходить и смѣшиваютъ въ общемъ пожары града и пустыни ; вѣтъ иномъ мѣстѣ онъ кучкою нападаетъ на отдаленное царство , и его испадаетъ ; вѣтъ другомъ мѣ-

стѣ на сожженыхъ своихъ основаніяхъ болѣе не держася горы разрушаются и засыпаютъ глубокія долины.

Внушите страшный трескъ, который до внутренности шара земнаго отзывається. Се если разрушение падающихъ горъ Олимпа и Атлантическихъ. Сии ужасныя величины громады, рукою божію поспавленныя, коихъ пребываніе являлося бы должествовало вѣчно быть, не суть днесъ иное чѣо, какъ пюкмо пепль и дымъ.

Покажите ми сей славный островъ, сю страну возлюбленную небесами, копюрая Англію именовалась, и у коей Цари земные испрашивали сокровищъ, союзу или мѣщенія себѣ. Моря окружающія ее, не могутъ ее болѣе защищить. Увы! Нынѣ моря ее окружаютъ, дабы ее пожрать.

Вопросятъ Ангелы, гдѣ были границы Асии, и плодоносныя поля Европы; въ коихъ мѣстахъ простиралися пещаныя Либійскія пустыни; подъ коими знаками небесъ Индія рождала злато и алмазы. Всѣ части земныя, всѣ ея царства провалятся единое на другое, смѣщенные и разрушенные единымъ потопомъ. Такимъ образомъ общее разрушение соединитъ сии совмѣстническія Имперіи, которые честолюбіе раздѣляетъ. Все, что ходитъ по землѣ, что плаваетъ въ водахъ, лѣпаетъ что по воздуху; однимъ словомъ: всѣ живошные, которые отъ Адама назва-

название свое получили, во пламени погибнувші.

Но разрушение сего шара не затушитъ запаленіе: яростъ его умноженна, пламя восходитъ до облаковъ, и досягаеть до небесъ. Солнце, луна, звѣзды и всѣ вещи имъ пожрутся. Не останется болѣе ни какихъ знаковъ сего толь пространнаго и блистательнаго свода, и единый часъ разрушитъ шесшидневный всемогущаго труда.

п. 53 г.

56

65

86

10

101

